

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Евгений Штауфенберг
За секунду до сумерек

Евгений Штауфенберг
За секунду до сумерек

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Штауфенберг Е.

За секунду до сумерек / Е. Штауфенберг — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Разум человека и до сих пор не объясненная штука, хотя человек отправляет космические корабли в окружающее землю пространство, лечит болезни, порой рассматривая вирусы и бактерии под электронным микроскопом. И способен расколоть планету ядерным арсеналом одной лишь страны. Мы повелители природы, но так ли это на самом деле?! Не окажется ли это обыкновенным сном. И как быть, если ты живешь в поселке? В нашем, вроде, обычном мире. В котором ничего и никогда не происходит. Скучно и потихонечку. И понимаешь вдруг, что все не так просто. И мир не тот, каким сперва кажется читателю. И ты и все кого ты знаешь - цепки в той тихой катастрофе, что идет так давно, что уже даже просто не замечается. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Деревня. Серый вечер.	6
Степь.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кто это сказал, что если из истории вынуть всего лишь несколько десятков... ну, пусть несколько сотен человек, то мы бы в два счета оказались в каменном веке. Ну, пусть несколько тысяч...

(Гадкие лебеди)

(Шутка в телепрограмме: Нострадамус, умеющий путешествовать во времени, убеждает Хана Мамаю не идти на Русь.)

Мамай:

-... Зато обо мне узнает весь мир.

Нострадамус:

- О тебе узнает шестой класс, и то, только отличники.

Придут дни последних запусов. Земные силы оскудеют вдруг; Уйдут остатки жалких поколений К теплу и солнцу, на далекий Юг. А наши башни, города, твердыни...

(Валерий Брюсов)

Деревня. Серый вечер.

Несмотря на то, что утро было холодным, вечером стало жарко и душно. Сквозь щель неплотно задернутой на входе занавески, которую было лень закрыть, ветер нес в лицо пыль вместе с лучами заката, едва освещавшими жилье. Лучи ложились на серый пепел серого очага, на груды высушенных скотских лепешек с сухими ломаными корягами, бросавшими длинные уродливые тени на серую стену, скользили по закопченным лохмотьям паутины у потолка, не просвечивая, а только касаясь ее серой поверхности, отчего казалось, что с потолка свисает большой кусок непрозрачной ткани.

Чий сидел напротив входа, держа в руках котелок, тот был чуть поблескивающим, из-за нагара масляно-чернильным, ел из него кашу. Он был один, мать ушла в обед. Еда была уже сухая, невкусная, он глядел на раскаленные точки угольков в золе очага, утирая подбородок грязным мешковатым рукавом.

На душе было мерзко и не то что бы скучно, а как-то уже все равно, что ли, и тоскливо, казалось, весь мир сейчас такой – в оттенках черного, где светлей, где темней.

«Наверное, только закат сейчас не серый», – думал он. Он вытянул шею, глянул сквозь щель в дверном проеме, мгновение размышляя, покачал головой. Нет, Чий понял, что и закат удивительно гармонирует с этим вечером, и он, и тускло мерцающие точки в пепле – часть этого серого вечера настолько, что без них он был бы совершенно другим и, может, даже не таким противным. Рядом у избы слышались шаги, на пороге показался брат, еще шире распахнув занавеску, ступил внутрь.

– Мать здесь? – спросил он, от резкой перемены освещения взглядываясь в темные углы хаты – Давно нет?

– Драр! – Чий привстал, заулыбался. – Давно. С обеда, наверное. А что, нужна?

Брат не ответил, посмотрел на него ухмыляющегося, с порога, раздумывая над чем-то, затем скользнул внутрь своей обычной, бесшумной почти, охотничьей походкой. Устало подмигнул, вместо приветствия, слегка хлопнув его по спине, и сел к очагу, стягивая сапоги.

Ну, как вы тут? – сказал он, засовывая в угли маленькую сухую веточку.

Обычно. Ты сегодня вернулся?

Только что, у околицы со Снагом разошлись, я ему силки оставил, мясо, а сам сюда думаю, по дороге... Что ты довольный такой?

– Ничего. Радуюсь по случаю возвращения брата. Можно?

Драр улыбнулся первый раз за встречу:

– Жуешь чего? – Он наклонил к себе котелок, попробовал. – С салом?

Чий отрицательно покачал головой.

– Надо вам сала дать будет, да даже и мяса там чуть-чуть... Вчера рогача убили, здоровый, чуть руку мне не проткнул. Потом покажу, ну, что останется, там башка одна с пол тебя.

Веточка все-таки нехотя загорелась, и брат, быстро обломив, положил на нее еще одну. От него горьковато пахло травами – Степью, Чий смотрел со спины, как он, достав нож, развернувшись вполборота, возится у огня, как работают под бурой рубахой широкие мускулистые плечи. Братом Чий гордился, он считался лучшим охотником в Селе, это в его-то двадцать два ему уже завидовали, боялись, у него на хуторе скота было почти что больше всех, во всяком случае, чем у заядлых охотников, тех, кто дома редко бывает, точно больше всех. Он был дерзкий, часто дрался, и в Степь дольше него никто не ходил, разве только Борода раньше, но сейчас Борода два года уже как тростниковой болеет, в избе лежит.

Да даже нож его. Чий посмотрел, на узкое лезвие вороненой стали в сильных пальцах, Драр обрубил несколько сучьев, сейчас готовил стружки, он подкладывал их в огонь, потрескивало, оранжевые языки пламени лизали дерево, освещая широкие костистые ладони.

За такой нож можно мяса на полгода выменять или соли ведра два, наверное. Нож был не то что местные, которые быстро тупились, и их можно было погнуть в руках. Брат говорил, недель пять туда шел, мимо бродячего народа, где Высокая Степь начинается. Щелха они убили, а брат вернулся и нож принес. И Борода туда потом ходить хотел с Санвой, тогда он и заболел.

Чий вспомнил об Изране. Он только сегодня не так давно об этом размышлял.

Кто же это первый заметил, вроде не я, нет не я, Шага... Нет, если подумать, кроме него, этого, пожалуй, никто не мог. Он, наверное, самый независимый от Израна человек в Деревне. С детства у него эта неприязнь возникла, почему-то он его никогда терпеть не мог. И до сих пор не стеснялся к нему это отношение показывать, единственный. И с Шаги это прозвище пошло – Гроза Амбара, он его так называл, за глаза разумеется, потом все стали, тоже за глаза. Как-то у него получалось, не преклонятся. Естественно, что именно он и заметил, что Изран пытается копировать Драра. И Чий удивился, что да, действительно, но сам он раньше не догадался почему-то, ведь и говорил он так же, и жесты эти его, и, вроде, даже выслужиться пытался, когда брат рядом.

Огонь горел уже в полную силу, и по дому поползла сизая завеса дыма.

– Драр! Жара же! – опомнился он.

Ничего, сейчас вечер уже будет, похолодает. А я есть хочу, – он вытащил из-за пазухи что-то темное, развернул, запачкав руки кровью. На травяной плетенке лежали четыре толстые полоски мяса. – С шеи. Не сухари же эти твои есть. Сейчас нарежу вот только.

Он достал мясо, откинув плетенку к входу. *Жара.*

Чий отодвинул в сторону занавеску, привязывая к косяку, сморщился от резкого света, свет неприятно резанул глаза, ворвался внутрь, уничтожив темноту. Он увидел, грязную пустую вечернюю улицу, и дома теперь было видно, что тоже грязно и тесно, все стало плоским, теперь не осталось никакого уюта, который был здесь вместе с темнотой. Снаружи уже действительно было свежо, с улицы залетел легкий ветерок, охладив вспотевшую под рубашкой грудь. Захотелось сходить куда-нибудь, размять ноги, посмеяться.

И так весь день дома сижу. С другой стороны, брат только пришел.

– Чего в дверях встал, погулять собрался?

– Не знаю... – Чий глянул в дом. За дымовой стеной смутно проглядывалось оранжевое пятно огня. – Да нет, наверное, с тобой посижу.

– Не получится, я сейчас сготовлю и пойду, даже поесть не успею. Иди.

– Куда пойдешь?

– Да надо там, мать по дороге поищу.

– Зачем она тебе?

– Да думаю, пускай с Соломихой поговорит, материи у нее возьмет.

– Ну и что за срочность, горит, что ли?

– Да не горит.

– Ну и что тогда? Потом поговоришь, вечером придет, и поговоришь.

– Ну, значит, не получится потом. Это грязное уже, обтрепалось, – он потряс себя за рубаху. – Я в этом ходил, а завтра, может, или послезавтра опять уходим – мне переодеться не во что. Если опять в этом пойду даже, то в Деревне в чем потом?

– Ничего, повоняешь немного.

Драр на шутку не ответил, делал что-то у огня.

– Так все-таки завтра пойдете?

– Скорее всего, нет, скорее всего, через день.

– Ну, вот и не ходи, успеешь, и ты же вообще есть хотел.

– А если все-таки завтра, тогда что, вонять? И вообще я не из-за матери пойду, говорят тебе, что дела, а есть я и сейчас хочу, вернусь, поем. Иди пройдишь, вечером поговорим, если придешь не поздно. Иди.

– Ну, сейчас, дождусь тебя, вместе выйдем.

– Драр качнул головой, причмокнув от раздражения, заговорил уже, как будто не для него, тише, себе под нос:

– Чего сидеть, в жаре, в дыму, были бы дрова нормальные, гнилье с дерьмом, я уже готовить не хочу, один дым, нет, сидит.

Он говорил еще что-то, Чий не стал слушать, глядел на улицу, ненормально в это время пустую, на брата.

– Послезавтра... Послезавтра должен прийти Краюхин дядька, – сказал Чий задумчиво.

– Это какой?

У него один только.

– Санва?

– Ну.

– Ты что, ударился, – он отвернул лицо от огня к нему, и Чий увидел, что он улыбается. – Я же тебе говорю, что с Санвой охотился, говорю: на ручье разошлись. Забыл, что ли?

– Так я думал, не с ним. Погоди, но он же послезавтра...

Брат улыбался. Чий поднялся на ноги. *Дурак я, молодец... На два дня ошибся...* Он еще раз выглянул за порог. *Придется идти, и быстро.*

– Драр, пойду я, мне... – он замялся.

– Да иди, иди. Что ты извиняешься.

Он шагнул наружу, посмотрел последний раз на дом, сизая змейка, обвиваясь вокруг занавески, ползла вверх, он пошел вперед, ощутив, как внутри поднимается благодарность.

Он представил, как вернется назад уже по темноте, дома будет мать, пахнуть жареным и брат надежный, который всегда все умеет, сильный и скупой на улыбку, но зато он никогда не оставит и на которого всегда можно положиться. «Первый охотник в двадцать два, вот в ком кровь кипела, с детства посидеть не мог, везде был и тут, и там, и, оказалось, не зря, теперь все признают, что сила», – Чий подумал, что ему это не передалось, живость вся эта, он давно уже понял, и окружающие замечали, что Чий не в него. Он посмотрел на свои худые предплечья. – «Не в него: «Чий рассеянный, Чий – лоботряс, в отца их непутевого, ага, и лицом как похож...»»

Несмотря на то, что прохладнее стало заметно, пыли не уменьшилось, на улице ветру был простор, он летел по прямой, выдувая из-под ног и перекатывая уличный сор. Всякие кости, сухие веточки, наломанную кем-то повывнь.

Идти было непривычно, с одной стороны, вроде, он и хотел идти телом, ноги несли, не чувствуя нагрузки, легкость такая пьяная, весь день сидел, это было приятно, но на душе было все также неуютно, так бывает, неестественным казалось, что сейчас он придет, рядом будет много людей, и надо следить за собой, шутить, говорить.

Чий быстро шагал по кривой улице с беспорядочно застроенными мазанками домов, навесов и загонов. Изредка, когда расстояние между постройками позволяло, за стогами, которые трепали жесткие порывы, срывая соломинки, бурела Степь с полосой ручья. Он мельком подумал, что может, сначала надо было зайти к Краюхе, и решил, что не стоит, он, скорее всего, уже там. *Дурак, а! Послезавтра, послезавтра.*

Общинный деревенский Амбар располагался не в центре, а с самого края Села, и попасть туда можно было двумя дорогами – сельской и околичной, она была ближе, и Чий всегда ходил по ней, не только из-за расстояния, а и ради интереса тоже, ему так больше нравилось. У перекрестка чумазные носились, что-то увлеченно пиная в грязи, гурьба карапузов разного возраста, крича и пихая друг друга, блестя голыми загорелыми спинами. А чуть в стороне стоял долго-

вязый постарше и с ним еще двое, совали в лужу очищенную повынь, стебель. Двух из гурьбы Чий сразу узнал, соседские, Окана дети, он был года на три старше Драра и жил неподалеку от них с матерью, шагов пятьдесят по улице, остальные какие-то незнакомые, неместные, наверное, хотя кто их всех упомнит, растут, рождаются, и все грязные и чумазы.

Чий почувствовал легкий толчок в спину, обернулся. Рядом стоял, возвышаясь над ним на полголовы Дерево, худой, но широкоплечий и весь какой-то длинный и нескладный, у него была голова неправильной формы. На прыщавом лице со сросшимися бровями застыла улыбка.

– Вот дует, а. Видать, с Болота, сухой какой-то.

Чий пожал потную, широкую, костлявую ладонь.

– На Амбар собрался? – спросил он.

– Ага, да только выбрался. Весь день сегодня с отцом мотыгой махали, а сейчас сполоснулся да думаю, пойду посижу.

– Картошка?

– Ну... А у тебя как?

– Да так, – Чий неопределенно махнул рукой.

Разговаривать ему не хотелось. Дерево, похоже, также чувствовал неловкость, уже, наверное, жалея, что подошел. Они замолчали.

Весной и осенью тут была топь, и околичная дорога шла по насыпи, возвышаясь в половину человеческого роста над небольшими зеркальцами чистой воды, зажатой между тростников, и ковром кувшинок. Сейчас же все было сухо, голо, и казалось, что идешь по гребню горы. Впереди во всю ширь горизонта светил красным закат, и вся равнина стала необычной, как будто укрытой неровной порванной тенью. С высоты было хорошо заметно, как по травяному морю идут волны. И среди этого травяного моря стоял утес, темный, так как он тоже находился между ним и закатом, об утес разбивались волны травяного моря. Утесом был Амбар. Старый уже, огромный, с просевшей от времени высокой крышей, двускатной, такой же, как у избы, с такого расстояния он вообще смотрелся избой, обыкновенной и не такой уж далекой, это если не глядеть на равноудаленные домики Деревни, которые на его фоне выглядели совсем крошечными, и становилось понятно, что это просто обман зрения. Над входом находилось, непонятно для чего, прорубленное окно, когда-то давно окно закрыли тряпкой от птиц, но она давно уже была вся в дырах, через которые сейчас пробивался свет.

«Иди пройдишь», а я ведь вроде не думал, что пойду именно сюда, получилось все так, да и куда у нас еще сходить можно, на Амбар, все равно все здесь будут, каждый день дом или Амбар, дом или Амбар. С братом же можно было! Точно. Он уже успел пожалеть, что не додумался увязаться за Драром, как-то по нелепости полной упустил такую очевидную возможность. Потом вспомнил о «послезавтра», о Санве, как он дни перепутал, о Краюхе – все разом. Значит, идти надо именно сюда, не случайность это совсем никакая. Осознание необходимости вернуло мысли к неприятному. Никаких вариантов не было, был лишь Амбар и то, что делать придется. И идти надо быстро, а то сорваться все может, если еще не сорвалось, глупо получится – сам больше всех кричал, из-за него же и застряли.

Их приход едва заметили. Внутри горел факел, и было полно народу, даже больше, чем обычно. Было шумно, Чий, пожимая руки и отвечая на кивки, пробирался внутрь, заметил среди тех, кто играл в чакру, Краюху, он сидел на корточках, спиной к нему, под огромным кувшином, в задумчивости тер о землю гладкий, «Плоский» камень. Бугристый «Кольцевой», лежал рядом, за краем начерченного на утопанной глине поля. Под мышкой он держал бурдюк с брагой. Чий тихо подошел и увесисто ткнул его кулаком в спину. Подождал, пока он, вздрогнув, развернется:

– Здорово, игрок.

– Ты!? Здорово, мы тебя уже не ждали.

– Договорились во второй половине дня...
– Ну, сейчас что, день?
– А что ночь? Нормально еще. Ну что, как там?
– Я не через него самого, я так даже не стал...
– Краюха! – возмущенно сказал Ир, который сидел рядом. – Ты говоришь или играешь?
– Играю, – он быстро поднял с земли камни. – Чий, давай потом, сейчас доиграю. Вон иди, у Шаги спросил, он знает все. Так я да?.. На два.

Вот как с ними чем заниматься? Он постоял немного, раздраженно глядя на поле. Потом собрался идти искать Шагу, это оказалось лишним, Шага его увидел уже, и сам шел к нему, улыбаясь:

– Здорово, домосед. Что поздно так?
– Да я матери с утра помогал...
– Да ладно, глава семейства, прям.

Чий взял его за локоть, оттянул к стене, спросил понизив голос:

– Ну, что там, ясно что, нет? Краюха сказал, ты знаешь.
– Да, вроде, намечается. Он мне рассказывал, что с Холмом они не говорили, он соби-
рался уже, но разговорился там с братом своим двоюродным, помнишь, рыжим тем, у которых
хутор на южной стороне, он-то Холму племянник родной, не как Краюха, ну, тот ему аккуратно
рассказал...

– Ага, а этот половине Деревни потом аккуратно расскажет.

– Говорит, не должен, да и не все он ему, намекнул. Ну, вот, короче, говорит, что Холм
тогда Краюху не понял просто, если б понял, то сразу отказался, ну и предложил через батю
своего.

– Это которого.

– Ну, такой, знаешь, в веснушках весь тоже ходит, нос маленький, сам такой низкий.

– А тот-то что, будет, что ли? – спросил он с сомнением.

– Да ты что, Чий. Он вообще матёрый в этом, они постоянно меняют...

– Не знаю... Я думаю, Холм...

– Зачем тебе Холм, с этим тоже нормально, если возьмется.

– Ну и что, брат этот его?

– Сегодня должен зайти поговорить. Может, сегодня и будет что уже.

Чий посмотрел на Шагу. **Может, сегодня и будет что уже.** Слова были не Шаги, и
сказал он их без энтузиазма, как давно заученное, слова были Чия. Это «сегодня и будет что
уже», у них уже было, раз семь наверное.

Каждый раз он их поднимал по собственному порыву, говорил, что надо, что вот еще
чуть-чуть и все пойдет, а время шло, и каждый раз, – уже сегодня, уже завтра. И украли они
тогда тоже из-за него, из-за того, что он убеждал и доказывал, что это легко. Это были три
рулона ткани и шкурки, ткань дорогая, тонкая, белая, по-настоящему белая, белоснежная, а
не то, что называли белой у них – светло-желто-серая, два рулона, и моток голубой такого же
качества, все явно привозное. Он узнал об этом случайно: от матери услышал, что у Сармы
свадьба будет, они не рассказывали, но она услышала как-то, кто-то там проговорился из охот-
ников, что отец Сармы в Торговое время, ездил к лесовикам с ними и что-то купил. А что он
еще мог купить накануне свадьбы. Вот тогда он впервые и загорелся, всё было легко, он един-
ственный в Селе кто знал о свадьбе и о покупке. Надо зайти и взять, умно, чтобы никто ничего
не услышал лишней, а потом останется только продавать, через кого-нибудь, еще недели две. В
основном рассчитывали, что будет соль – ее на свадьбу дарили всегда, это была действительно
«цена», скорее всего, на это можно и дом построить разом, и скот свой взять. Чем больше он
об этом думал, тем больше убеждался, что им повезло, помимо самой стоимости, это еще и
настоящая возможность силу попробовать, о чем-то подобном уже давно говорили и обсуж-

дали это. Он прибежал с утра и первый раз стал убеждать вот так: «Надо... сейчас... взять... сколько ты собираешься...»

Тогда он их убедил, и они все сделали, как и придумали с самого начала, правда, тоже не гладко, от волнения наделав кучу лишнего, когда убежали, всю соль, которую, по идее, можно было продавать почти сразу же, просыпали кучей в десяти шагах от дома, и Чий смотрел, как белая струя льется вниз, прямо в грязь, и как ее топчут босые ноги, но ткань и часть шкурок они донесли к Шаге на сеновал. И после началось другое.

Тогда была зима, даже нет, осень еще, две недели прошло и ничего не изменилось, ничего они не продали, так как это было практически невозможно. Слишком приметная материя, надо было думать что-то еще. И время потекло. Сначала прошла еще неделя, потом еще этих временных трудностей, и оказалось, что уже месяц миновал с тех пор, как они украли, а все остается так же. Осень кончилась, потом прошла зима, началась весна, и у них по-прежнему ничего не выходило. Уже собирались продать кому-нибудь из тех, кто сможет потом навариться, сдав ее не в Деревне, перебрали все варианты – не оказалось никого подходящего. Потом стали думать продать кому-нибудь, чтобы тот имел возможность вернуть свое с прибылью через несколько лет, когда все забудется, пока опять же ничего не получилось. Время шло, прошла весна, и, что интересно, реально изменений не происходило, но казалось, что что-то меняется, появляется опыт, какие-то наметки на будущие, что сейчас у них другой уровень, не такой как был пару месяцев назад, то есть: «Я не могу договориться, но я уже гораздо лучше определю, к кому и подходить не стоит», хотя он и понимал, что все это может и не иметь под собой никакой почвы.

И вот теперь было уже почти что-то с Холмом, сорвалось. Как выяснилось, оставалось надеяться на этого брата Краюхиного двоюродного, который сегодня придет, а значит, надо будет действовать по тому же плану примерно, что он придумал для Холма. Идти, с кем-то встречаться на ночь глядя, говорить. Сколько всего этого уже было. В темноту шагать.

Он представил это и понял, что не хочет. «Потому что и сам уже не веришь, что что-то получится на этот раз, – сказал он себе. – И если я к этому так отношусь, у которого из нас троих уверенности в успехе больше всех, то как они к этому относятся?»

– Может, что сегодня и получится уже.

Ага, жалеешь меня, что ли, хочешь приятное сделать.

Должен, говоришь, прийти? А что этот тогда пьет, дел еще куча.

Мы уже не думали, что ты появишься.

Чий посмотрел на Краюхину спину, на Шагу. *Не верят... Достал я всех своим энтузиазмом.* Как у них вообще получилось что-то сделать? Украли ведь тогда. Он попытался вспомнить: два белых рулона и один синий – воспоминания казались неживыми, нарисованными, нарисованная белая струя летит на землю, свои ноги на куче, помнилась только картинка, никаких ощущений. Он посмотрел, как глядит на него Шага.

– Слушай, вот скажи честно, ладно? Готов, только честно? Ну, я серьезно, – Чий и сам почувствовал, что начинает также глупо улыбаться. – Вот если бы я вас не убеждал постоянно, ты сам как думаешь, продадим, нет? Серьезно, веришь?

– Да как, – Шага посерьезнел и стал раздумывать. – Должны, по идее, не Холм, так другой, если не этот, время нас не поджимает. Так?

Чий покивал. Слова эти тоже были не Шагины – его слова, он так доказывал, значит, опять ничего не ясно.

– Придет, говоришь? Ладно, пойдем подождем.

Они пошли к дальней стене, у которой стояли и сидели наиболее организованно. Тут было человек десять, говорили о чем-то, он встал сзади и стал рассеяно слушать, думая о своем. Чий заметил рядом Дерево. Тот был уже здесь, успевший оказаться тут раньше его, чудом, наверное. И уже, видимо, понимал, о чем идет речь, весь – внимание. Как обычно. «Придет...»,

— он вспомнил, что так и не спросил Шагу о том, «когда», искал его глазами и решил, что не стоит — это внимание к себе привлекать, скорее всего, и так ясно, что поздно. *Проторчим здесь, Драр не дожидается, опять посидеть по-человечески не получится, поговорить, да и ладно Драр, главное, дело, ради дела собой можно и пожертвовать, был бы толк.*

— ... Я бегу, и так холодно-холодно, вроде зима, только еще холоднее, и снег везде лежит, деревня здоровая, не кончается и не кончается, а бежать тяжело, медленно, но я таким темпом из нашей бы уже десять раз выбежал, и снег — ногам холодно...

— Ты же за водой выходил, это что, зимой?

— Ну и что ты меня спрашиваешь? Откуда знаю? Выходил не зимой, потом зима, сон же, — Файса Ушастый собрался с мыслями. — Ну, и бегу, вязну в нем, а домов кучи, все пустые, в окнах ничего не видно, и занавески закрыты, я, короче, хочу на помощь позвать, а там каждый вход выше моей головы.

— И что, лестница к нему?

— Нет ничего, просто четыре стены, а выше головы вход.

Чий услышал, как Пипа, которого так прозвали из-за того, что он, когда маленький был, так пить просил, неодобрительно иронично усмехнулся и причмокнул.

— Ты достал, слушай, а! — Ушастый обиделся. — Что ты хочешь? Тебе не снится такого?

— Это тебе только снится такое, — он улыбнулся. — Я бы уже три раза проснулся, до того как мне грыжа такая снится стала.

Завестись Файсе не дали, попросили продолжать, он стал рассказывать дальше, глядя на молчащего Пипу.

— Ну, бегу, прыгаю, прыгать тоже тяжело, еще тяжелее, чем бежать. И тут дед этот вылетает откуда-то, такой: «Ты куда забежал, я же тебе говорил, пропадешь. Все теперь, — за руку меня хватает, — За мной давай, за мной, тут же гнилолице».

— Это какой дед, который?..

Да, предупреждал меня который за ручей не ходить. Ну, и бежим, а он, главное, быстрее меня еще, ну, и постоянно: «Гнилолице». Меня жуть такая берет, — он отвлекся на чей-то понимающий смех, — ага, прикинь, гнилолице, меня там аж сжимает всего. И тут мы прибегаем, там как пяточок такой, улица заканчивается, дома вокруг, он руку отпускает. «Все, сынок, спасся, все», а у него голос все время был такой жалобный, как у дедов, как будто волнуется. «У-все, у-все, пропадешь», — разворачивается резко, и я смотрю, а у него кожа, оказывается, лохмотьями вот тут висит, и грязь под ней какая-то, слизь там. И раньше все это, я понимаю, тоже было, я просто не замечал. Рядом занавески в домах открываются, а там такие же все дети, бабы тоже, у всех такое же с лицом. Он раз на меня, — Файса хлопнул в ладони, — за шею, и я проснулся. Лежу, у меня в ушах стучит, я, короче, не помню, чтобы мне такой страшный кошмар снился, серьезно, может, и было когда раньше, но я не помню. И именно в конце страх резкий, остальное-то бывает, а там вот так, резко, оп.

— А потом спал?

— Ну, полежал чуть-чуть, потом заснул.

— Да нет, я не о том. Ты проснулся сразу, а бывает тоже снится кошмар, просыпаешься, ну думаешь все, а на самом деле спишь еще, вот у меня было, не помню что там сначала, тоже что-то такое, просыпаюсь — лежу в постели, поднялся, а уже светло, думаю, вставать надо, взял у очага кувшин с молоком, наливаю, а там жижа какая-то зеленая и шевелится. Я у сестры спрашиваю: «Это что?», та: «Да это доятся так теперь». Я пошел к скотине и смотрю, на самке дойной пауки какие-то сидят, и она уже вся в паутине, ну и там дальше пошло...

— А бывает наоборот, — сказал Шага, — что-то снилось, может, и не кошмар, вообще сна не видишь, просыпаешься по-настоящему, а потом снова засыпаешь, и кажется, что встал, идешь куда-то. У меня один раз вот так было, только я не встал. Проснулся поздно, а договаривался с отцом, что с утра пораньше поднимемся, он в Степь собирался, а я подготовиться помогу.

Просыпаюсь – один, надо подниматься, день уже, неохота, я глаза закрыл, думаю, еще чуть-чуть полежу и буду на дверь смотреть время от времени, если зайдет кто, сразу из-под одеяла вылезу. Валяюсь, на дверь смотрю, жарко, думаю сейчас встать буду. И тут постель моя взлетает и меня в крышу вжимает и давит. Я глаза открываю, лежу раскрытый, двери из такого положения вообще не видно, меня колотит.

– И что дальше, спал?

– Да какое спал, вскочил, побежал есть да бате помогать.

– Интересно, как вы все, пацаны, рассказываете, – Пипа опять вылез. – А я можно тоже. Можно? Спасибо. Мне тоже снилось: пошел я за водой по зиме, зашел в какую-то другую деревню. А там старик влетает, который меня предупреждал не ходить, и орет: «говнолице, говнолице», а мне так страшно, и я смотрю, а у него самого лицо в дерьме, – Пипа закончил и, победоносно, нагло улыбаясь, посмотрел на Ушастого.

Чий подошел к нему сбоку, сделав серьезное выражение.

– Ну-ка, погоди, – он провел пальцами ему по лбу, потом поднес их ближе к себе и понюхал. – Слушай! – он резко испугано вздохнул. – Да они же тебя зацеловали.

Вокруг засмеялись. Все разом. Его хлопали по спине. Чий, не ожидавший такой реакции, оглянулся.

Чуба не просто рассмешило, он повалился на корточки, держась за пол, зажмурившись, тряся от хохота. Его пытались звать – он не отвечал. Потом остановился, открыл глаза: «Бля... Пипа», – и опять, трясясь, повалился на пол. Смеялись долго. Потом на эту тему стали шутить. «Пипа Говнолиций» – «Да он лазутчик ихний, они его к нам заслали».

Чуб, придя в себя, подошел к нему, положил руку на плечо – «Это был не сон». – «Да не пацаны, че вы, какая деревня, просто тут получилось как – все обычно утром умываются, а он ночью, свет зажигать лень, и он иногда в темноте дорогу перепутает и идет к выгребной яме, и там умывается. А так-то он чистоплотный, в смысле, всегда умывается, каждую ночь.

Пипа тоже ухмылялся, скалился, пытался шутить. Его все равно не слушали.

– Да ладно, хватит, уже самим не смешно, умные шутки закончились, из себя давите.

– Умываешься, да? – Чуб продолжал смеяться.

– Да, да, умываюсь. Весело? Это уже даже не по второму разу. Что, шутка, повторенная трижды, тройне смешная?

– Сам начинал.

– А что еще делать было, ерундой занимаетесь: «мне это снится, а мне это».

– Какая разница? Говорим да говорим, все равно делать нечего. Да нет, ты-то сам только о важном, да? Когда вы, вчера или позавчера? Вчера полвечера они сидели тут, вспоминали, как кто в первый раз напился, и как кто облевался, полвечера, и как год назад Кольму Рыжего напоили, да?

– Да все равно не о таком.

– А в чем разница? Снится тебе редко, а пьешь часто.

– Мне вообще не снится ничего.

– Чуб возмущенно фыркнул и покивал.

– Говорю, не снится.

– Один-единственный человек в Селе, кому не снится ничего. У тебя, может, дырка там, вываливается просто, Чий, проверь ему...

– Что ты несешь, я серьезно говорю.

– Да, такого не бывает просто...

– А у меня бывает.

Все сразу заспорили. И почти все приняли сторону Чуба, стали доказывать, что этого не может быть, и Пипа либо врет, либо сам уже не помнит, кроме почему-то Файсы, внезапно

упершегося вместе с ним и заявившего, что он сам не знает, но слышал от тетки, что ее мать, которая умерла...

Чий понял, что его на самом деле подташнивает, может, уже давно, и пить хочется. Он поискал глазами, где бы взять, но на воду ничего не указало. *Действительно ерунда, каждый день, о чем тут еще говорить, снов он не видит, уже, наверное, и сам понял, что сглупил.* Он посмотрел на Шагу, который молчал сейчас у стены. У них как-то тоже был похожий спор – такая же чушь, про кого-то он Чию рассказывал, а потом, когда он его увидел, сказал Шаге, что ему он представлялся по-другому совершенно, описал как, что и возраста другого, и ростом выше. И Шага тоже расплылся в улыбке – как это так можно представлять, если его еще не видел. Чий стал доказывать, что человеку так свойственно, это у всех, и по-другому быть не может. Но с ним-то случай особый, решив, что он никого не представляет, Шага и себя в этом убедил и уже через десять слов стоял со своим серьезным видом, и не колебался абсолютно. Тогда он от него этого не ожидал, а ведь вроде не дурак, они с Краюхой ему и до сих пор не доказали ничего.

Пить хочется. Чий обернулся на шум, от ворот Амбара к ним направлялся Рыжий. Старший брат того самого Кольмы – Рыжего-младшего, которого напоили год назад и про которого сейчас только вспоминали. Рыжий был явно из дома, шел довольный, сытый сразу видно, ему показалось даже, что-то дожевывая.

– Здорово всем, – он пожал ему руку.

– Здорово.

– Хлопнул Чуба по плечу:

– Чего кричите?

– Да вот, человеку снов, оказывается, не снится.

– Ему объяснили, но Рыжего это вроде не заинтересовало, он только улыбнулся и собрался отойти.

– Рыжий, – окрикнул его Чий, – Водички не взял с собой?

Тот покачал головой.

Спор впереди не смолкал. Он отошел на шаг и посмотрел вверх. Факел, прогорая, оставлял в воздухе тонкую струйку черного дыма, она поднималась, огибая кривоватую пыльную стропилу, которая рядом с точно такими же отделяла, собственно Амбар, от пространства, занятого крышей, струйка, постепенно исчезая, поднималась туда, и терялась где-то у земли-сто-серой при таком освещении, соломы. До углов свет тоже почти не доставал, они терялись во мраке.

Ведь не всегда было так. Вечера бывают и веселые, хотя это тоже редко, но сегодня он даже не обычный, а из числа особенно нудных. Он поглядел по сторонам. Может, только у меня так сегодня, вроде все, как всегда. Чий вдруг подумал, что напрасно хотел идти сюда развеяться – веселее ему не стало, ничего не изменилось с тех пор, как он сидел дома, только место, внутри по-прежнему оставалась Серая скука. Все здесь повторяется, вот сегодня эти рассказы о снах, ну ладно, это редкость, конечно, хотя, в принципе, то же самое, разговоры о облевывании и облеванных, вообще вечная тема, и спор этот, людей которые спорить не умеют, наивные – они думают, что он новый, на самом деле, ему когда-то пришло в голову, что спор на Амбаре, почти всегда, только один, который никогда не кончается, а только прерывается на время, и, может вообще люди зря считают, что прения нужны для того, чтобы установить правду. Кто это сказал? Какую правду они, вот сейчас, хотят установить? Может, все по-другому? Допустим, есть у человека потребности, поесть, поспать, это самые примитивные, а есть еще какие-то полупонятные и непонятные, поспорить, погорланить, зацепить и показать кто прав, не путать с желанием установить правду, а человек этого не понимает, как зевоту, появляющуюся когда хочется спать.

Уйти вдруг захотелось отсюда, из этого шума, духоты и факельной копоти, выйти на свежий воздух, посидеть одному. *Хандришь! Повторяется все вечно, ну а как еще, что тебе еще надо? Бывает ведь и хорошо, а когда хандришь, сразу задумываешься, что все повторяется, и нового ничего не бывает. Другое дело, что идти сегодня никуда, наверное, не надо было, лучше уж поскучать дома, но ведь пришлось же... Может, выпить все-таки?* Он подумал немного. Нет, пьянеть нельзя, надо ждать, а потом действовать, идти встречаться, убеждать, но лучше уж идти, чем так.

Он развернулся:

– Есть вода у кого?

В ответ была тишина, кто-то отрицательно потряс головой. Он пошел вглубь, подходя и окликая некоторых по имени, и вдруг наткнулся на Ира, тот стоял неподалеку от ворот, с ним еще двое над чем-то смеялись:

– О! Вы все, отыгрались уже?

– Ну, я да.

– А Краюха где?

– Там еще сидит, там Рыжий-старший пришел.

– Вот же деятьель, а! – Чий сердито вздохнул.

– А что такое?

– Да ладно... Так ... – он махнул рукой. – Ир, есть вода, пить охота?

– На, бражки лучше выпей.

– Не, не буду. Есть?

– Нет, воды нет.

– Чий!

Он услышал голос и повернулся. У ворот, уже собираясь уходить, видимо, стоял Воль, улыбался, глядя в его сторону. Он тоже улыбнулся, подошел, ему крепко, с чувством пожали руку.

– Че, как? – спросил Воль.

– Нормально.

– А я уходить уже собирался, смотрю – ты.

Воль был парнем серьезным, тоже на хуторе жил, как Драр, все сам всегда, тоже молодой еще совсем, правда, старше Драра, скорее Окана ровесник. Они с его братом знали, но не так, чтобы уж очень. А с ним всегда вот так, как сейчас – двумя руками – Брат. Уважал его, непонятно за что, наверное. Хотя, вообще, его уважение надо было заслужить. Не к каждому он так. Чий этого не понимал, но ему это льстило.

– Киснуть сюда пришел? – спросил он

– Да нет, ждем тут. Сегодня дел еще куча, видимо, всю Деревню оббегать придется.

– А-а, – Воль кивнул. – Новости есть какие?

– Да какие... Брат сегодня вернулся, с Санвой ходили.

– Знаю, видел. Ну ладно, давай, побегу. Ты ждешь, а мне сейчас уже бегать придется. И не виси ты тут, лучше делом займись, сходи с братом поохотись.

Он исчез в темноте снаружи, оставив, светлое, тающее впечатление от встречи, и Чий остался один, постоял немного, раздумывая, не виснуть на Амбаре? Ну, а как ему еще к этому относиться? У него действительно другое, делом занимается. Что ему тут нужно? Раз в полмесяца покажется, тогда это, конечно, как отдых, и не понимает он Чия – не тот возраст уже. «Еще пару лет так пройдет, – подумал Чий, – и он во мне вообще хоть что-то видеть перестанет». А время идет быстро. Что изменится еще через год? Если они, конечно, ничего не продадут. С другой стороны, ну и что, что не понимает. Тут ведь, действительно, в возрасте дело, просто сам он перерос, у них сейчас другой «Амбар» уже, сел вечером на хуторе, один или с кем-

нибудь, кувшин откупорил, стадо сытое, все в порядке – можно выпить. Убеждения другие – спину надо с утра до вечера гнуть, а вечером упиваться, сколько влезет.

Рядом по-прежнему говорил Ир, Чий подумал еще немного, подошел и встал около них. Тут говорили о каком-то давнем случае, какие-то только им известные подробности. Он даже вникать не стал, стоял, улавливая отдельные слова, глядя через плечо, как они улыбаются.

И тут обе створки ворот отодвинулись, и внутрь вошел Изран и с ним еще несколько человек, Ворот показался в проеме, глянул оттуда, поискав кого-то глазами, и снова исчез. Они прошли внутрь, не замечая его, и Чий мельком подумал: **Вот у кого бы проблем с тканью не возникло, ему возможностей искать не надо, они все у него есть.** Сложилось так, не из-за того, что он сам глупее его, все это возникло не сейчас и не сегодня, годами складывалось, и не продумывал он того, что сложится вокруг него, результат тенденции. Но факт в том, что он бы от того, что спрятано у Шаги на сеновале, за неделю бы избавился. К нему и отношение другое, и не как их трое, надо было бы, весь Амбар бы работал. А ведь тогда, вспомнил он в определенный момент, когда была эйфория, Чий думал, что теперь они будут на равных, что он все делает, как Изран.

Изран поворачивал голову, оглядываясь, и Чий понял, что через мгновение он его заметит. **И что будет? Внимания не обратит, наверное.** Взгляд остановился на нем, он на ходу изменил направление, под прямым углом к прежнему и подошел к Чию.

– Здравствуй. Пришел сегодня все-таки? – сказал он тихо, почему-то устало-вымученно.

– Как видишь, – Чий попытался скрыть удивление.

– Он мимолетно подумал, что выглядит Гроза и правда внушительно, как будто между ними лет пять разницы, хотя на самом деле одногодки.

– Как дома, мать?

– Нормально, – Чий замолчал на мгновение. – Брат сегодня вернулся.

– А-а, ну, привет ему передавай, – сказал Изран также устало.

К ним подошел Ворот. Они жили прямо напротив друг друга, еще ближе, чем Чий от Краюхи. Говорили даже, что они братья сводные, что Изранов отец, мол, постарался, у них и сходство было определенное, только он посуше, хотя непонятно в таком случае, откуда у него эта смуглость, да и нос этот горбатый тоже. **Собака ценная.**

Ворот встал почти перпендикулярно к огню, так что лицо его и знакомый абрис плеч утопали во мраке. Он, почти не глядя на Чия, небрежно, быстро дернул его за руку, и Чию даже показалось, что в темноте он чуть-чуть брезгливо поджал нижнюю губу. Он что-то сказал Израну, наклонившись вперед, или показал – так было не разобрать. Изран что-то произнес в ответ. Ворот переспросил, Чий не расслышал.

– Что? – Изран продолжил что-то и растопырил на руке три пальца.

Все это для него явно не предназначалось, Ир уже куда-то исчез, и, наверное, лучше будет пойти поискать Шагу. **«Как дома, мать». Только он один из нас такой и ведь не старается, это у него так естественно получается, надо было один раз начать себя заставлять, когда-то давно, посчитав, что так правильно и сейчас.**

«А-а, ну, привет ему передавай». – Чий фыркнул, – Как это у него так получается? Может, даже не в словах тут дело, а в тоне. Сейчас ему уже стараться бы пришлось, если бы стал говорить, как нормальные люди, ему ведь надо не так: вычурно, серьезно всегда, и если и шутить, то обязательно без дурачества.

– С какими людьми мы общаемся! – сказал Шага, улыбаясь.

– Общаемся.

– Что-то он не в себе сегодня, как будто, да? Все переполошенные какие-то. О чем говорили?

– Думаешь, я разбирался там... И, вообще, ты меня удивляешь – я от тебя последнего такого вопроса ожидал.

Они стояли вдвоем у стены напротив входа, специально чтобы наблюдать отсюда за теми, кто играл под кувшином, и за Краюхой.

– Почему?

– Я всегда знал, что тут есть один человек, которому они все не интересны, все остальные на брюхе ползают, а он нет, ему даже не интересно смотреть, как остальные ползают, и человек этот ты. Что ты улыбаешься? Я серьезно, вот бери тут любого, вот его, да? И с ним на эту тему можно всегда говорить, а с Шагой нельзя, потому что ему все равно. Что ты улыбаешься, я серьезно.

– Ну, если ты серьезно, то ты и говори как о серьезном.

А Шаге все равно.

– И я, кстати, всегда знал... Короче, лишний повод тебя уважать был. Что бы там не случилось, вот этот человек кривляться не станет. А сейчас?

– Ты всегда ошибался, значит. Почему я никогда не интересовался?

– Так казалось.

– Как ты себе это представляешь? Вот Амбар, он Гроза Амбара, все вокруг него крутится, ну, и даже возьмем, что, положим, меня все с ним связанное волнует слабо, меньше чем других, я все равно в стороне не останусь никак, это тогда мне не здесь быть надо, а там, где его нет. Тогда я действительно, скорее всего, ничего о нем слышать не захочу. Бред же, мы с тобой как будто раньше о нем не говорили никогда?

– Да по-другому все равно...

– А о чем, кстати, спрашивал?

– Да о чем! Пришел? Как дела? Как мать? Как обычно.

– А ты?

– Нормально, говорю. Брат пришел, говорю.

– Брат. А он что?

– А ну, привет ему передавай.

– «Как мать», – Шага опустил голову и хмыкнул. – Ублюдок.

– Почему ублюдок? Что он такого сказал?

– А что нормально сказано было?

– А почему нет? В его стиле, – он посмотрел на реакцию Шаги, как он соорил саркастичную гримасу, ничего не объясняя. – Я тебя вообще не понимаю в этом. Ненависть какая-то лютая, ни на чем не основанная. Если ты от него видел что-то плохое, то потому что сам это и провоцировал, да и когда это было, а сейчас, когда он злобы твоей не видит, как ты к нему прохладно, он так считает, так он и к тебе. Мне-то, в принципе, все равно, не из-за того я это говорю, что он ко мне относится так. Понятно, что из-за брата только...

– Злобы моей не видит?! Все он видит, а вот как ты ничего не замечаешь, вот это не ясно! Но ничего, еще заметишь, еще шанс будет.

Шагу прорвало. Он даже ноздри раздул. **И ведь ни на чем все это не основано. Знает он. Во всяком случае, объяснить он это нормально не может.** Чий решил не спорить. И посмотрел на Ворота, они все еще говорили там же у входа, отсюда их было хорошо видно. Даже шрам от сбитой когда-то костяшки Воротова кулака. На поясе у него висел нож в красных узорчатых ножнах, настоящий охотничий, и рубаха на нем новая, недели две как сшили, специально невзрачного буро-серого цвета, рубаху можно было другого цвета заказать, повеселее, но нет, сделал именно такую. Ворот был в сапогах, в отличие от всех тех, босоногих, что наполнили сейчас Амбар. Охотник, только из Степи. Даже самому верится, хоть и ясно, что силки ни разу не ставил. А вообще ему ведь, пожалуй, неплохо удается, он поймал себя на мысли, что даже у него самого как-то незаметно изменилось восприятие Ворота, с тех пор как у него начался этот охотничий стиль, от желания казаться солидно, и получилось что-то.

– Знаешь что? – сказал он. – Мне сейчас мысль в голову пришла. Вот смотри на них. Представь, что ты вырос где-нибудь не здесь, Амбара никогда в жизни не видел, меня не видел, а сегодня приходишь сюда, тебе показывают вот их и говорят: «Кто из них первый?» – он сделал паузу. – Кто?.. Ворот, да? Забудь все, вот так, по виду или даже, посидев полвечера здесь, понаблюдав, – Ворот. Он и старше, и наглее у него морда даже...

– Тут не в морде дело.

– Ну, Ворот ведь, да?

– Ну-у, да, наверное.

– А посиди ты тут неделю, поймешь, что не он, может, и раньше, а месяц, так вообще – кто еще может, кроме Израна быть, есть в нем что-то такое, дотошность его или скрупулезность, которую сразу не увидишь, со временем...

– И к чему ты это?

– Да так подумалось. Слушай, Шага, когда он придет? Надоело здесь.

– Не знаю, вон у него спрашивай, – он кивнул в сторону Краюхиной спины.

Чий поднял глаза и посмотрел на факел, черная струйка поднималась вверх, мимо пыльного стропила, и уходила куда-то к темной кровле. «Серого стропила, – поправил он себя. – Серое стропило, серая крыша, как тогда, когда он сидел дома, еще до прихода брата, такая же, как и балки Амбара, Серость никуда не пропала, как и котел, из которого дома он ел кашу... Дома, дома... домой бы». Вот сейчас еще не поздно, Драр еще не спит, и может быть, будет ждать. Он представил брата, как он сидит рядом с очагом, глядит в огонь и ждет его специально, потому что Чий просил. А он не придет. Стало тоскливо. *Да нет, спать ляжет, что ему меня ждать.*

Он тогда не увидел, как все произошло, скрипнула воротина, это Чий помнил, и как все почему-то потянулись туда, все кто был внутри, сначала так, как будто спокойно, только часть, а потом, зашумев, все остальные. Он удивился и по торжественно-смущенному лицу Косолапа, стоящего в эпицентре, понял, что что-то уже пропустил, он попытался пробиться вперед поближе, через толпу, видно ничего не было. Шаги рядом тоже не стояло, он поискал глазами и увидел Краюхин затылок впереди себя, справа, до которого тоже было не дотянуться, и где-то рядом пищал Ушастый, не Файса, еще один Суран.

...Сейчас прям. Я смотрю, еще блеснит. Да я и вытащил у Косолапа на огороде.

– Пацаны, твою так! Ну, чего вы, как дети, – сказали голосом Ворота. – Ну, еще раздавите... что вы тут устроили, потом посмотрите.

Толпа стала отступать, поворачиваясь, и тогда он это увидел мельком, что-то ровное, прозрачное, как камень, и что-то еще внутри.

Куда ты прешь?!

Хорошо рассмотреть он смог спустя время, когда улегся первоначальный ажиотаж, и посмотрели все кто подошел перед ним.

«Камень, ерунда», – думал он, глядя на то, что лежало на ладони. Прозрачный, янтарь вот тоже прозрачный, хоть этот и чище, цвета чистой воды. Странной была пластина – сверкающий безупречный металл, вся в ровных наростах, как в бугорках, от которых отходили ворсинки какие-то, тоже по виду металлические, они, переливаясь, вспыхивали на свету, когда он только взял камень в руки, сначала мелькнула бредовая идея, что там мех. Он сразу же понял, что конечно, на самом деле никакой это не мех, он еще раз обтер поверхность рукавом и поднес к огню, пластинка тут же засверкала. Ворсинки все были одинаковой длины, как подстриженные, самые крупные по сечению – с человеческий волос, рядом были тоньше, потом еще тоньше, у него рябило в глазах от того, как они сверкали, почти просвечиваясь, и он не мог хорошо разглядеть самые мелкие, они едва угадывались. «А, может, есть и еще меньше, просто их разглядеть невозможно», – он подумал и еще раз посмотрел на угол пластины, на котором были вычеканены значки, особняком стояли две закорючки «Pt» и еще какие-то мельче, строкой, ему

вдруг стало жутко – тут все понятно и без значков, вся эта ровная безукоризненность, четкая геометрия, нет, даже не так, в природе тоже встречаются геометрически правильные формы, тот же узор листа, тут дело было не в ровности, это просто *другая геометрия*, он не смог бы объяснить точно, в чем разница, в какой-то законченности и безжалостности, природа так не создавала, эти линии сваял человек. А еще были значки, которые абсолютно точно созданы людьми, теперь уже и гадать смысла нет. Но какие люди? Для чего, когда? И как вообще люди могли такое сделать?!

Он вдруг почувствовал, что тон шума толпы изменился, что-то произошло, дальше слышался только пищащий голос Ушастого. Вроде про то, как они это нашли, Чий улавливал моментами.

– Я, главное, смотрю, еще блестит что-то... Вон туда, говорю, мотыгой дай. – Это раньше, а сейчас был смех всеобщий, над ним. Что-то он, видимо, такое ляпнул и теперь оправдывался.

– Где что копали?! – Рыжий давился от смеха. – Кто, куда там продавали?

– Ну, может быть, не про то, я понял так...

– Ты дурак, Уши. Нигде ты ничего не понимал, и рассказывать тебе такого, похожего, не мог никто. И сочинять ты тоже не умеешь. Ты руду хоть раз видел? С бочку? Если даже такое бывает, то ее не найдут. Я-то знаю, у моего дядьки кузня. А вот такое, я тебе точно говорю, у нас в Деревне в первый раз нашли, и не слышал о таком никто тоже ни разу. Может, где-то такое и есть, и где-то даже добывают, но к нам оно точно случайно попало.

– И в любом случае штука редкая, – закончил за него Чуб. – Слушай, а, если серьезно, где такое встречаться может? Понятно, что не у нас, тогда бы и раньше встречали. Но где-то же есть? И что это.

Не понимают. Камень, руда Он встал, воткнув факел на прежнее место, и посмотрел на Чуба. *Сказать им?* Они ведь просто не о том говорят. Блестящий, красивый, редкий.

– Ну, Чуб, и что же это?

– Он обернулся и посмотрел рассеянно, не понимая:

– Так я про то же?

– Ты не догадался? Это нигде не встречается, это сделано было. Человеком, людьми, и нигде это не добывают.

– Они опешили. Все замолчали, посмотрели вниз, туда, где он держал в руке камень.

– Почему?

– Чий молча повернул камень пластиной вверх, к лицу Рыжего.

– Видел? – он ткнул ногтем в значки. – Это тоже? Какие вопросы еще быть могут?

Они расслабились тут же, и он понял, что ему не поверили, некоторые иронично заулыбались, они еще не поняли почему, но уже не верили, и момент, когда он владел их вниманием, был упущен.

– А что не так? Да погоди, – сказал он, пытаясь перекричать разговоры между ними и смешки, – что ты улыбаешься, у тебя глаза есть? В природе так не бывает, она абсолютно ровная, углы четкие, и закорючки эти, как они могли появиться, и что это вообще. Камень? Нет, не камень. Тогда что? Этого не могло появиться в природе, значит, остается только то, что сделал это человек.

Пока он говорил, они снова замолчали, правда, теперь уже не обескуражено, раздумывали, видимо, собираясь спорить, но, главное, слушали. *Не дам я вам спорить возможности*, – подумал он. – *Сейчас вы меня понимать станете.*

– Ты черепашек видел маленьких, радужных? – сказал Краюха. – Узор видел? Это не человек, это природа. Почему природа не могла сделать это?

– А что это, Краюха, камень?

– Нет, не камень. Наверное, ты видимо не понимаешь немного речь о чем – я не знаю, что это. Мне кажется, у меня нет никаких четких доказательств, и у тебя тоже нет. Но только мне

и не надо ничего доказывать, вещей, созданных в природе, гораздо больше того, что сделали люди, и значит – что не сделано людьми, создано само по себе. Если думать правильно, то, если ты не сможешь привести доказательств, которых нельзя было бы подставить под сомнение, то выйдет скорее по-моему, чем по-твоему. Хотя, в принципе, я допускаю что, может это человек сделал, только не верю, так совсем не ясно ничего, во-первых, кто это мог сделать, а?

«Правильно думать» – вот оно теперь как, - это Чия слова были, это он их так переубеждать пытался, когда спорили. На это его утверждение можно было ответить так, чтобы то, что он тут нагородил, рубануть под корень. Если «думать правильно», – «А с чего это ты взял, что природу или хотя бы часть ее, не создал кто-то и где-то, не люди, конечно, может быть, даже и сейчас создает. Ну-ка, докажи, обратное?» Получалось безупречно правильно, с точки зрения истины. Но говорить такого тут он, естественно, не стал. Не понял бы никто, еще и оправдываться будешь, как Ушастый только что.

– Я не знаю кто, где. Понятно, что это очень сложно, но человек, ну, или даже не человек, но кто-то.

– И для чего?

– А я откуда знаю? А в природе для чего?

– Кому, для чего природе? Хорошо, это необычная вещь, у нас такого нет, не слышали мы о таком, значит, встречаться она должна в необычном месте, и я даже такое знаю, – он победоносно обвел тех, кто слушал его, глазами. – Например, на Громовой горе.

Правильно он думает... Это он сейчас правильно думает, когда выгодно, а когда невыгодно, то, как баба, верю, не верю. Громовая, – да может и Громовая, там любое подойдет. Хотя все равно неясного много.

Спор шел уже вокруг. Почему-то Краюхина идея понравилась всем. Он прикидывал, с чего бы начать, хотя знал, что слушать уже не будут. **А тебе-то это зачем, ну и пусть спорят.** Он вдруг понял, что только что чуть было не нарушил данного себе обещания. Не спорить тут никогда, так все равно ничего не докажешь. И только продолжишь тот вечный единственный спор Амбара. Какая, в сущности, разница?

Они стали говорить о Лесе и о Громовой горе. Он слушал и вспоминал сам. И в памяти всплыли легенды... Вернее, самые запомнившиеся обрывки легенд. Сумрак, торчащие кривые деревья, нависающие над головой; пахнущие сырой землей и гнилой древесиной тропинки, по которым бродят лесные звери, о которых столько рассказывали, и, с которыми избегали, по слухам опять же, встречаться сами лесовики. Картинка, пожалуй, все равно вышла искусственной. «Выходила», – поправил он себя. Слишком он себя «тренировал» когда-то, чтобы ее представлять правильно, когда еще ребенком был, ведь говорили «темно из-за деревьев», и он пытался представить, как это может быть, и залазил для этого в кустарник, прижимая голову к земле, глядел вверх.

Он так ни разу и не попал в торг к лесовикам. Ну, и правильно, когда это было интересно, он был еще ребенком, его, естественно, никто бы никуда не взял, он мог бы попасть туда сейчас, не прям сейчас, а дождавшись Торгового времени, и как-нибудь подрядиться, но сейчас в этом не было никакого смысла, да и что там можно было увидеть? Путь до деревни, деревню, и то не всю, и обратно. И это явно не то, что нужно. Это не Лес. Тогда ему были нужны чудовища, и он верил, что они есть непременно, и стоит только доехать до лесовиков, как он их тут же увидит, а если же все-таки он собрался бы сейчас, то уже ради другого. Зверей, вполне вероятно, никаких и нет. Есть малая территория – несколько заросших сопков, которые можно было бы обойти, наверное, за неделю, если бы вокруг существовал удобный путь по ровной земле при старых, древних, судя по рассказам, деревьях. Вечная сырость, а где это все заканчивалось, начиналась сухая Степь, существовало Болото, но оно все равно ничего не объясняло, с одной стороны, Лес, с другой-то – трава пыльная, Степь. Еще была Громовая, и не то чтобы все это его сейчас совсем не интересовало, но теперь он знал, что, если приехать в Торговое время, все равно

ничего из этого не увидишь. И если хочешь увидеть, то, наверное, можно, только как папа его ненормальный. А значит, им и стать.

– Громовая... – сказал Изран, Краюха обернулся и посмотрел в его сторону, – Громовая гора, Громовая гора, а с чего ты взял, что она есть? Ты видел? Я вот не видел, только слышал всю жизнь, Громовая гора, Громовая, Громовая. Ты там был, у нас вообще там кто-нибудь был?

– А обязательно там быть, чтобы знать, что она есть?

– А что, нет?

– Я от Села дальше двух дней пути не был никогда, значит, там ничего нет?

– Нет, значит, в Лесу ничего нет, у нас о ней откуда узнали, от лесовиков, ты уверен, что это все правда? А почему?

– В смысле, – Краюха опешил. – То есть как почему? И почему от лесовиков, у нас ведь свои были с Села?

– Где были? В ихнем селе были! С чего вы вообще так увлеклись байками этими.

– Но это же известно, Изран, это же не придумали, мне Чия брат говорил, что видел...

– И мне говорил! А что там разглядеть можно с такого расстояния? Сидишь, говорят, там где-то, что-то шелкает, не сильно, и ничего толком не видно. Что ты там увидишь с такого расстояния, она ведь, если к примеру, даже и есть... ты представляешь, как там быть должно, по-твоему?... Ты ерунду себе представляешь.

– Но этого же быть не может! У нас ведь все знают об этом... Да нет, ну, мужики же рассказывали... – начал Краюха.

Изран только улыбнулся. Спокойно так. Это неправильно. Он никогда так не спорит и не спорил... как сейчас. И это если разобраться разумно, если даже он не задумывался специально об этом. Зачем выслушивать каждого до конца, отвечать на каждый довод. Тем более с такими, которым дай только волю и которые тут же начнут язвить, цепляться за слова, как обычно, ведь, если ты сильнее и тебя опасаются, любой спор можно закончить, не начав. Это ведь элементарно, не нужна тут никакая логика, надо знать, где надавить. Но он сегодня какой-то не такой, рассеянный какой-то или уставший, Чий это сразу заметил, когда он зашел только, еще там, у ворот, но значения не придал.

Краюха собрался с мыслями, пытался приводить какие-то доказательства, а Изран не обращал внимания, со стороны казалось, что ему просто лень. Сидя на корточках, тер ногтем масляное пятно на штанине.

– Да чего ты бренчишь, ясно все, ясно, я понял. Вот смотри, знаешь Щекала деда, помер который полтора года назад? – сказал он, не поднимая головы. – Он ему не родной, вроде, был, что-то там... Отец жены первой его отца, по-моему. Я с ним разговорился как-то, еще за год, наверное, до смерти, кстати, не самый глупый дед был. Так вот он такую вещь рассказывал, что лет двадцать назад ни о какой Громовой горе здесь никто не знал. Понимаешь? Совсем никто, а с лесовиками и тогда торговали. Что из этого следует? – он расправил штанину, поднял голову и посмотрел вверх на них всех удивленных. – Никто! Не знали о ней, точно. Что из этого следует? Что откуда-то этот слух пошел. Нет, сопка-то есть, я не спорю, но на ней ничего нет. А сопка есть – называется Громовая гора, ее найти можно. Только зачем?

Чий почувствовал, как забилося сердце. *Неужели, действительно? Щекала дед, Щекала... Древний такой старик, седой, по-моему пальца у него на правой не хватало. Что же ты, Чий, не знал никогда?*

– Знаю я, кто был! – сказал Краюха. – Чия был отец. Он сколько раз в Лес ходил, может, и до Громовой добирался. Кто понимает, что он там делал?

Дурак – друг. Чий напрягся и посмотрел рядом с собой. *Кто его за язык тянул отца вспомнить, дурак Краюха, кол тебе в лоб твой ненужный.* Амбар вдруг пропал со всем, что внутри. Перед глазами встало...

...Ночь. Перед самым рассветом. Он проснулся и слушает, как ворчит за спиной мать, стучит котелок. Потом раскрывается занавеска, и в проеме на фоне звезд возникает высокий худощавый силуэт отца, шагающий наружу...

– Ты, наверное, знаешь, что он там делает?

Краюха не успел ничего ответить. Изран развернулся и вышел из круга. Все проводили его удивленными взглядами, Чий смотрел на лица.

Папа. А когда он проснулся, тогда утром узнал, что папа ушел...

На него самого внимания почти никто не обращал, вроде все обошлось. Краюха встал у дальней стены, что-то обиженно говорил, Чий перевёл дыхание, подошел к ним, тут стояли еще и Чуб с Деревом.

– Видел, да? – сказал он ему. – Специально так.

Чий поглядел на Дерево и решил ничего пока не говорить, из того, что уже рвалось наружу, сказал только тихо, нагнувшись к уху:

– Ты чего делаешь, дурак? Бедокур, бля...

– Ну, а что я? Он сам начал, сам и ушел, – сказал он громко, вроде, как не для всех, но услышали не только их четверо. – Да ладно, все ничего не будет. Ну, а что, опять надо головой покивать, мол, прав он, как будто всегда он прав, ни разу не ошибся, он себе много позволяет, вон с Юном тогда тоже так, он ему: «это правильно, это неправильно, пошел», пацан тогда ничего не сказал против, и что сейчас? Ни за что пострадал, угробился. Да ладно, чего ты, побьет он меня, что ли, я что сплетничаю, я и ему скажу, извини, скажу, Изран, но ты не прав! А как еще...

«А, действительно, – отметил он, – Краюха ведь в глупом положении остался, ладно бы в своей обычной манере поговорил, на место поставил, и все. Это было бы лучше, чем так. Сначала спорить сам стал, а потом вот так. Унизил же фактически, хотя и не хотел, наверное. Станный он сегодня».

Сбоку подошел Гроза Амбара, до него уже что-то дошло, видать, он не выглядел уже уставшим и вялым. Весь подобранный, как кулак, с блеском в глазах.

– Слышь. Чё, я не так сделал чего-то, да?

– Да нет, ну, Изран, тоже так не делается ведь.

– А мы не договорили?

– Ну, а...

– Тебе непременно надо услышать, почему это ерунда? Мужики об этом говорили. Это он, им сказал, или тебе? Я так думаю, что он ни им бы не стал бы говорить, ни тебе?

– Изран...

– Или как тут?

– Да ладно вы, пацаны, этот-то камень не с Громовой принес, – невпопад вставил Ворот, приблизившись к Краюхе.

Вообще Амбар как-то странно изменился, некоторые поменялись местами, не разговаривали. Ничего особенного, вроде, не произошло, но они теперь не просто стояли – больше не было покоя, появилось движение. В любой момент эта тишина могла разрядиться. Он посмотрел, на необычно серьезного Шагу. *Бедокур, все.* Чий представил, как он лежит на полу и как его пинают в лицо, вот эти крепкие ноги, в тяжелых охотничьих сапогах, привкус от ударов во рту. Израну оставалось только слово сказать.

Краюха поднял опущенную голову, на белом лице задвигались губы, он произнес очень медленно, почти по слогам.

Я, когда сам начинаю разговор, до конца свои убеждения отстаиваю и, когда доказать не могу никак, и не ухожу...

Лицо Израна не двинулось практически, как напряглось. И Чий увидел, как он сейчас шагает вперед, и что сначала также ударит, с таким же каменным выражением, а мимика, чув-

ства и все прочее появится потом. Он увидел все это в деталях, очень быстро, в мгновение, понял по каким-то едва заметным изменениям, как будто по лицу Израна пробежали тени, хотя само оно оставалось по-прежнему недвижимым. Все должно быть именно так.

То, что должно было случиться, уже сбывалось. Изран уже шагал, вокруг стояла тишина, сквозь которую сзади негромко, но, на фоне общего беззвучия, очень отчетливо и вроде даже неуместно, долетело: «Это не Юн тогда ошибся, из-за него...»

Шаг закончился, и Чий понял, что ничего не произойдет, Изран посмотрел назад, теперь тишина была абсолютная. Он молчал. И все молчали, Чий, как и все, глядел на них, тоже не понимая. И тут он догадался почему – он его задел, такое уже случалось не раз, и на топи тогда ночью было то же самое, отличаются только детали.

Это произошло лет пять назад или больше, он не помнил сколько их тогда собралось, на топи под околичной дорогой, не помнил, как они все-таки решились искать гнездо камышника, из-за какого-то случая, так бы вообще никто никуда не пошел. Они стояли невдалеке от воды, и все понимали, что идти никто не хочет, был не тот солнечный день, когда все это придумывалось – холодно и ветрено, в отблесках луны видно, как, раскачиваясь, ложатся на водную гладь кривые черные хлысты-тростники, они стали выдумывать, почему нельзя туда идти. Вспоминали какие-то причины. На том, чтобы идти, настаивал один Изран. Он, кажется, и тогда уже не спорил.

Чий хорошо запомнил, как он вот также молча стоял, а потом развернулся и пошел в топь. Было даже страшно видеть, как он, спокойный, идет в черную жижу, как бьются об него пенные гребни волн. Он пропал, и его очень долго не было – только ветер и тростники, а потом он также бесшумно выплыл, дрожащий, черный от тины и ила, натужно дыша. Положил на землю большой корчившийся комок из мокрого белого пушка с уродливой клювастой головой, он оглядел их всех, поднял с земли булыжник и с размаху дал вниз. Развернулся и пошел домой.

В тот вечер он его ненавидел за унижение, Чия передергивало, когда он начинал вспоминать подробности, как Изран, ни с кем не советуясь, пошел в топь, просто так внешне, ни с кем даже не обмолвившись, и какое у него было выражение лица, когда он на них посмотрел, дрожащий и черный, перед тем как их унижить, нет, он унижал их уже тогда, удар булыжником – это уже завершение, это он их самомнение и гордость раздавил. Наверное, его в тот вечер все ненавидели, даже если никто не понял ничего, а вот сейчас все уважают. Кроме Шаги. Ему ведь и тогда птенец не больше других нужен был, просто, если он прав, значит, он это докажет, пусть кто-то попробует сомневаться, и так докажет... И если кто-то не сможет, то он сделает. ***И Краюха пробовал сомневаться. Ты ведь не понимаешь, ты ведь ему в лицо плюнул только что!***

– До конца, говоришь, убеждения свои?.. Отстаиваешь?

– Изран все-таки ожил после этой долгой паузы, когда стоял зависнув, как вкопанный, и стало видно, как недоумение вокруг понемногу пропадает. Голос, вроде, был нормальный, даже мягче, чем раньше, и он явно стремился держаться естественно, но почему-то не получилось – на него было страшно смотреть.

– И ты еще и не на словах это только можешь?

– Краюха молчал, видимо, тоже что-то почувствовал. ***Почему его просто не бьют?***

– А?! Чего ты молчишь? Давай тогда сходим?

– В смысле?

– В прямом, сходим, проверим. На Громовую, может, ты, действительно, прав. Ты же до конца убеждения свои отстаиваешь!

Чий понял, что если сейчас он откажется, то тогда точно получит сразу же, а значит, и Шага, и он сам, естественно. Он оглядел собравшуюся толпу, не отрывая взгляда, следящую за тем, что происходит. Чуб куда-то подевался, его уже не было видно, зато было хорошо заметно, кто именно собирается бить, а не просто слушает.

– Туда всего недели три, пройдемся, всю жизнь тут торчим, не видели ничего, а так вон Лес ваш посмотрим, а?

Ворот теперь стоял еще на шаг ближе, слегка выдвинув вперед левое плечо.

– Вдвоем, что ли? – неуверенно сказал Краюха.

– Зачем вдвоем? Вон пацаны с нами пойдут, – он кивнул на тех, кто стоял рядом, потом замолчал и стал ждать, глядя на замешкавшегося Краюху, говорить он больше не собирался. Все, говорить сейчас должен не он, теперь говорить должен Краюха, и времени у него теперь не так уж много.

И тот, совсем поникнув, что-то сказал очень тихо, так, что Чий не услышал, дождался ответа и опять спросил что-то о «когда». Чий не мог поверить в то, что это происходит на самом деле. Он не сказал «ладно», не подтвердил, что пойдет, но он согласится, он сам уже это понял. Но этого не могло быть всерьез, это какая-то глупость. Громовая, три недели. И все стоят и следят за разговором, и никто не удивляется. Он не стал слушать и вышел из круга, встав спиной. Впереди возвышался наполовину вросший в землю огромный кувшин с зерном. Под ним сейчас никого не было, рядом с начерченным полем стоял обколоченный о стенку кувшина сиротливый мех с брагой.

Он подумал о том, что до чего же нелепая выходит ситуация – вдвоем спорили и пришли к обоюдно невыгодному результату, надо было отказаться – пусть даже бы получил, пусть даже все бы мы получили, но это лучше чем так, а с другой стороны, в конечном счете, виноват настоящему из них Изран, надо было просто дать в нос и все, без прений этих, простая ведь ситуация, а в итоге... Что, он идти туда хочет? Аж два раза – на кой ему это нужно. А в итоге стал заложником своего же надуманного метода.

Все обсуждали, совершенно серьезно, кивали головами, говорили, как будет разумнее. Потому что Изран сказал, Гроза Амбара же сказал, значит правильно изначально.

Что же ты сделал так коряво, Гроза. Бред какой-то. Ты ведь Гроза. Почему просто сразу не ударить. Ведь был же момент, когда стоило. А если это я понимаю, то ты тем более. Ведь бил же, уже. Чий вспомнил окаменевшее белое лицо без эмоций, но внутри яростное, как он подался вперед на него. Завис, как будто сломался. А потом была одна сплошная нелепость. «Это не Юн тогда ошибся, из-за него», - вспомнил Чий голос из толпы и тут же похолодел, потому что все сразу понял.

Сам Краюха незадолго до самого конфликта упоминал случай тот с Юном, когда Изран не прав был, он после этого и встрепенулся, а потом из толпы. Вот оно где. Он действительно шагал бить, но уже не смог – голос, и он понял, что ему не верят. Его поставили под сомнение. Не Краюха, дался он ему, все. А, значит, надо доказать делом. Он ведь всегда делом... Дурак. Решил, что выхода у тебя нет. Что же ты надумал себе. Бить надо было, и все, и не понял бы никто. Действительно нелепая ситуация – сам себя поймал.

Неправдоподобно как-то получалось. Два ошибившихся человека, один из которых ошибся вдвойне, тоже, кстати, оказывается, просто человек, только ум себе забивший непонятно чем. Амбар этот пыльный, душно. Стадо, которое стоит и обсуждает, как ему внезапно захотелось сходить на Громовую. Чию вдруг показалось, что все это уже было когда-то, на этом же самом месте. Отец... Ведь если туда и пойдет кто, то уговаривать всех, по идее, должен именно он. Из всех собравшихся здесь у него одного есть хоть какая-то причина побывать на Громовой. Чий – единственный человек внутри этих стен, кто знал, что его отец на Громовой был и был не единожды. Но он как раз и понимал, что это нелепо.

Об отце и горе он узнал не так давно. С детства еще знал, что отец ходил в Лес, уже не помнил, когда точно начал это понимать, когда-то очень давно, так что казалось, что знал об этом всегда. Мать рассказывала, он не любил говорить о том, куда уходил, и не говорил, но иногда как-то себя выдавал. Да он и тайны из этого особо не делал – не любил говорить, но и не пытался наврать, когда она догадалась, мол, не твое дело, и все. И о Болоте Чий знал, Лес –

Болото, то туда, то сюда, только на Болоте он, вроде как, не останавливался, скорее всего просто проходил. Чий, бывало, думал об этом, но как-то не замечал связи и значения особенного не придавал до тех пор, пока дед Кунар один раз очень давно не стал вспоминать, как они вместе шли где-то у марей – Чиеву отцу нужно было идти дальше, они там должны были разделяться. А потом резко одёрнул себя, стал говорить, что это все глупости, и, когда устал от вопросов, сказал, что уже и не помнит точно, как там на самом деле все получилось, и, может, это и вовсе не с его отцом, как будто они с ним только на марях ходили, да и на марях-то вовсе, мало ли, вон лет десять назад еще до Большого мора они с Лепешкой промышляли на Сухих сопках и в ту осень...

Вот тогда Чий и задумался, дело было даже не в том, что дед Кунар врал, он и до этого подозревал, даже не из-за слов его, просто именно так сложилось в тот момент, что он понял, куда так можно было попасть: в Лес через Болото – болотную сторону Леса. А что в болотной стороне было примечательного, не такого, как везде? Громовая гора.

И ходил он только так, всегда, и когда можно было пройти по-другому... То есть, как потом выяснилось, и не так – сначала он ходил, как попало, со стороны поля тоже, через проход, а уже перед тем как пропал, брат рассказывал, отец, возвращаясь, выглядел всегда одинаково, одежда в корочках засохшей, жидкой когда-то, грязи и тине. Значит, только на болотную сторону, только туда, пока не пропал. «И ведь узнал же как-то о ней», – подумал он, вспомнив, о чем сегодня говорил Изран, о её существовании, ведь, тогда и понятия еще никто не имел, если он не напутал. «До него не имел, – вдруг понял он. – Неужели, не может быть...» Но вроде все так, до него не знали, и правильно, что ничего не изменилось с тех пор, как прошло двадцать лет, с лесовиками торговали и тогда, пока один человек из их Села никуда не ходил. А потом побывал, и сейчас о Громовой знают все. Это выглядело несерьезно и неправдоподобно, но он чувствовал, что как раз именно так у них в Деревне может быть, как-то очень по-жизнски...

Он почувствовал толчок, поднял голову и увидел Краюху со смущенной улыбкой на лице.

– Ну что, заработал, – сказал Чий.

– Да ладно, знаю, разберусь. Сам начал, сам и разберусь. Сходим, ничего...

– Сходит он!.. – подошел Шага.

– Не ори. Схожу.

– Дурак! – жалея, сказал Шага.

– А как еще было, по голове получить?

– Слушай, а почему бы и нет, а? Я не пойму, что у тебя с ней такого, все получают – так ничего, а тебе так нельзя, у тебя она сразу же испортится, я стою и думаю, что сейчас придется свою подставить из-за тебя, и ничего!

– Не ори, – Краюха обернулся и глянул назад. – Ты что думаешь, я из-за себя, я стоял там, как обосравшийся, и думаю, нельзя, ведь пацаны ни за что выхватывать будут, значит, я не хорошим таким останусь, сам начал, а из-за меня вы. Вы что? Я, значит, вообще у вас...

– Не думаем, – сказал Чий. – Нет, ты не у нас...

– А ты, значит, думаешь, что нам лучше стало оттого, что тебя тут обговняли на наших глазах, а мы ничего сделать не смогли...

– Посмотрим, это сейчас так. Схожу, вернусь – нормально все будет, – Краюха гордо вздернул подбородок. – Сколько туда? Недели три...

– Это с ним? Ну! Три! И еще три по три...

– Да ладно, ты тоже не преувеличивай, такой же человек, тоже слабости свои, как и у всех, и на них также играть можно...

– Один «такой же человек» он, и другой «такой же человек» ты, да? – сказал Шага. – Ты самый, такой же человек, самый-самый. Ты думаешь, он из-за чего туда пошел. Ты думаешь, ему это интересно, показать Краюхе, что, мол, он ошибался? Краюха согласится, и они назад пойдут, оба довольные?

Краюха замешкался. Шага отвернулся. «Такой же человек», – буркнул он под нос.

– Да ладно. Что сейчас уже сделаешь, – сказал чий, – А ты иди, тебе теперь больше ничего не останется, только ты забаловался что-то: такой же... играть на слабостях можно, ты сегодня уже сыграл.

Краюха ничего не сказал и молча недовольно пошел подбирать свой бурдюк под кувшином.

– А камень где? – спросил Шага.

– Там ... Отдал кому-то. Тошно мне здесь сегодня.

Краюха вернулся и встал рядом, зажав бурдюк под мышкой. Судя по всему, там еще солидно оставалось.

– Это день такой, – сказал Шага.

– Как знал, что так и будет. Так идти не хотелось, но надо, думаю. Пошел, дома противно, тут еще хуже стало. Может, болеть начал. Серьезно, а? Знаешь, когда только-только ломота появляется, крутит, мутит...

– Шага улыбнулся:

– Это с чего это вдруг? Глупости то не говори. Мы здесь все тогда болеем, каждый день.

Чий повернул голову и посмотрел на столпившихся под факелом, разговор продолжался, о Лесе, о том, как идти. Но Израна там не было. Изран, оказывается, вместе с Воротом сидел в стороне, на куче прелого зерна, лежащей с незапамятных времен, цвета сухой земли. Они о чем-то вяло говорили. Видимо, примерно о том же, о чем и они сейчас. Не хочется ему, понял Чий, но ничего, он никому так думать не позволит, пинками гнать станет, если придется. **Вот он и опять победил, правда, сейчас и сам не рад, но победил. Почему так всегда, что в нем такого, ведь не сила – это глупо. А что ум. Вроде, и не он, вернее, не только не ум.** Если разобраться, Чий знал его безумно долго, с раннего детства, а это то же самое, что и всегда. За такой отрезок времени о человеке узнаешь все. Можно предсказать, как он будет вести себя в какой-то выдуманной ситуации, случись она на самом деле, со значительной долей вероятности, что он будет делать, а что не будет, и как именно, это Ушастый бы не понял, а он понимает. Но, что интересно, сам повторить не сможет. Почему? Да кто его знает, почему. Но не сможет – факт. Потому что нет у него той же смеси храбрости, наглости, справедливости, жестокости и, кто знает, чего еще, как у того в голове.

Он услышал, как скрипнули створки ворот, и в толпу вклинился кто-то маленький и вихрастый, стал что-то спрашивать и через некоторое время вышел к ним. Чий узнал его – долговязый, которого он увидел по дороге, где дети играли, тот самый долговязый, который топил в луже стебель полыни.

– Краюха, там тебе пегедали, – у него не было двух зубов спереди, и он картавил, – чтобы не ждали, ничего не получить. Б*ат твой сказал.

– Вот же еб, ...бляха, – сказал Чий, – как и думал, зря прождали... Твою ж так! Он посмотрел на молчащих, Краюху и отвернувшегося Шагу.

Скука. Серость. И зря, все зря, Теперь можно было идти домой, он подумал о доме, о брате, который, наверняка, уже спит. Домой тоже не хотелось, он молча взял в руки бурдюк и сделал три крупных глотка, в нос ударил запах алкоголя и старой ягодной настойки с душиком.

– Пойдем, – сказал он.

И Серый вечер продолжался. Точно такой же, как и все остальные, те же лица, какие видишь изо дня в день, та же обстановка. Небогатые деревенские новости. Главной из которых на сегодня была та, что идти к Громовой сейчас собиралось пол-Амбара, хоть, скорее всего, все откажутся, когда дело дойдет до того, чтоб действительно выходить. Тоже своя традиция такая. Пришел из Степи Драр (это было уже известно), у Куцего завтра свадьба, официально об этом еще не объявили, а может, и не объявят, видимо, много гостей себе не хотят, жадные,

дальше еще долго перечисляли случаи, которые происходили с семьей Куцего и в которых их жадность особенно сильно проявлялась.

Да и нашел тоже на ком жениться, на Инельге Рябой, уродов таких, как же сами, наплодят. Кто-то сказал, что, по слухам, Нарва погиб. Полтора месяца уже как, в Степи, собака одна из своры вернулась (ну, об этом еще неделю назад говорили) ...

Факел догорал. Язычок пламени трепетал на обуглившейся ветоши, утопал в дыму, больше не огибавшем стропилу, а текущем через неё с обеих сторон сплошным густым потоком, и почти не давал света.

От браги веселее Чию не стало, если не считать эйфории первого времени, которая тут же прошла. Его тошнило, клонило в сон, и больше всего выводил из себя писклявый голос Ушастого Сурана с его детской суетливостью, от этого болела голова, чувствовалось, как раздражающе пульсировало в висках.

Он смотрел на серые лица и, вяло следя за ходом разговора, думал насколько ему обрыдло видеть все это каждый день. «Пройдет», — так он этим вечером подумал, просто сегодня плохо, а может, наоборот, сегодня и тогда, в последний раз, когда было тоже самое, и до этого – все это моменты просветления, когда человека отравленного, который сидит внутри, вдруг начинает тошнить и рвать всем что накопилось, до тех пор, пока опять не наступают отравленная пьяная прострация, когда все опять становится все равно. А как можно жить иначе? Скорее всего, просто у него сегодня разгулялась фантазия, но если так, то почему у него в последние годы постоянное ощущение, что это временное, и дальше должно наступить что-то лучшее. И он ведь не живет, он только готовится жить... *Потому что жить по-взрослому у тебя, полу-выросшего полу-ребенка, еще не получается, семью заводит и пахать с утра до вечера, чтобы выбраться из нищеты лет через десять, нет ни желания ни возможности, как одноклассники делают некоторые, потому что ребенок еще, но, может быть, правильно это, а не с тканью возиться без толку.* И еще потому, что детские мечты уйти к караванщикам, например, уже почти ясно, никогда не сбудутся, и остается торчать на Амбаре, пить бражку и ждать, когда наступит, наконец, что-то лучшее.

Вышли они глубокой ночью. Луны и звезд не было, только сплошной полог облаков, в одном месте подсвечивало желтовато—млечным, очень бледным светом. Немного пошатываясь, Чий стоял, наслаждаясь ночным холодом и тишиной. Его чуть-чуть знобило. Он оглянулся на зев открытой створки ворот душного Амбара, из которого вышли Шага и Краюха, и, поморщившись, отвернулся. Он подождал, пока с ним поравняются, и тоже пошел, все трое безмолвно свернули на околичную дорогу.

Шагая вперед и глядя в сплошную черноту с внешней от Села стороны дороги, он вдруг услышал жалобно протяжный крик тудара, самца, долетевший с огромного расстояния. Долгий такой, по-настоящему жалобный, с вытягиванием грустных нот, он закончился и снова стало тихо.

Чий представил, как он сейчас выглядит. Зубастая пасть длиной в пол человеческого тела, зверя, который сидит и ждет в этот момент во мраке.

Тудара Чий никогда не видел, только один раз наблюдал, как в Деревню на соседнюю улицу принесли остатки какого-то охотника, которые по какой-то причине зверь не съел. Это было, надвое перекушенное, синее, начавшее уже разлагаться тело без головы. Его тогда поразило это, стало очень неприятно, неуютно и жутко. Совсем надвое, как будто перерубили одним ударом тупого топора. И даже жил там никаких соединяющих не висело – две части; отдельно ноги и таз, отдельно туловище, страшное и распухшее.

Тудары очень редко встречались, и о них ходила слава тварей кровожадных, не охотников, а убийц, рассказывали, что им нравится именно убивать, он слышал множество историй о том, что находили свидетельства того, что они подолгу мучают жертву перед смертью. И вот в этот момент его забытое ощущение, когда он увидел тело, вернулось.

Неожиданно ночная тьма Степи стала живой, хищной, наблюдающей сейчас за ним, затаившейся, в этой звенящей тишине. И насыпь выглядела сейчас не просто дорогой на горе, а стеной, защищающей сонные мазанки Деревни от враждебной ночной темноты. Деревня со всем убогим человеческим с другой стороны, почему-то сейчас казалась жалкой и маленькой, маленькие приземистые домики, криво застроенные, неказистые и несуразные. И была тьма, великая и сильная, над всем этим. От этих мыслей он почувствовал, что дрожит еще сильнее, и посмотрел на Краюху, тот шел с обычным уставшим видом, ничего не замечая.

И ведь это Степь, своя знакомая, а им придется не вокруг Села путешествовать. Не понимает самоубийца. Жалко дурака, один же идет... Он снова отвернулся к черной Степи и краем глаза успел заметить взгляд Шаги на себе.

– Что?

– Жалеешь его, – Шага понимающе ухмылялся. – Тоже такой же. Нечего его жалеть, не маленький, он сам начал, сам и разберется... за три недели.

Краюха покосился на него с ненавистью и промолчал.

Да чего он, маленький, что ли, его дело. Просто я, видимо, вещь одну узнал от Израна. Он говорил, что Щекалов дед рассказывал, что двадцать лет назад в Деревне о Громовой никто и не слышал ничего. А я понял, откуда известно стало, – он выждал длинную паузу, как и положено по случаю, – я знал человека из Деревни, кто туда ходил, и после этого у нас рассказы о ней стали делом обычным, хотя он вроде бы никому специально не говорил, и я вообще не понимаю, каким образом...

Лица их изменились, они, похоже, стали догадываться, и, похоже, сюрприза никакого не выйдет.

– А с чего ты решил, что он был на Громовой?

– Да есть такая мысль. ... Да был, был, – сказал он уже другим тоном, – объяснять долго, и не раз был. Так что, вот так вот.

– А чего не говорил никогда, – сказал молчавший до этого Краюха.

– Можно подумать, тебя бы заинтересовало когда-то.

– Краюха ответил что-то нечленораздельное. Сюрприза не выходило никакого, им было практически все равно, и тогда он решил схитрить.

– Я с вами решил уйти, на Амбаре говорить не хотел, так что вместе пойдем.

– Вот это, оказалось сенсацией, они резко повернулись, оба, в глазах удивление.

– Да ну?.. Серьезно? – спросил Краюха.

– Какие шутки, заодно тебе поспокойнее будет, надо поговорить там со всеми, в курс поставить.

– А что сразу не сказал?

– Ты не рад, что ли, я не пойму, вместе идем, не один будешь?

– Да рад, рад, – спохватился Краюха. – Только, Чий, это же смысла не имеет, мало ли там как получится, это же глупо, с чего тебе рисковать. Сколько времени прошло с тех пор, ты и не найдешь там ничего.

– Ну ты то, тоже рискуешь, – он подождал, пока Краюха скажет «ну», – Да и посмотрим.

– Понял я сейчас, – сказал Шага, – одинаковые вы с отцом оба. Это же сразу ясно, что ты в него пошел, так и бабка моя говорит, что похожи вы – одно лицо. Вот и теперь тебя так же, как и его, потянуло...

– Краюха закатился от смеха, стоял посреди дороги, согнувшись, хватая ртом воздух, вертел ладонью у головы, Чий тоже засмеялся.

– Шага, – выдавил Краюха, – простая душа. Поверил, что ли?

– Догадался? – спросил у него Чий.

– Конечно. Как тут не догадаться? Вон ему такое рассказывай. «Ты же тоже рискуешь», а? Герой у нас, типа, «Значит, и я рисковать буду».

За перекрестком начиналась Деревня. Изредка просыпаясь, противно и звонко, взхлёб лаляли собаки, далеко разрезая сонную тишину. И Чий мимоходом подумал, что приятно вновь оказаться здесь, всюду были люди и все, что их окружает, весь этот его мир.

И хоть привкус того чувства, когда он смотрел на бескрайнюю черную долину, оставался, но она казалась уже далекой... Он задумался о контрасте – какой маленькой Деревня была там, снаружи, а теперь...

Мы, как рыбы в луже. Такая гаденькая, вонючая лужа у дороги, рыба спокойно живет в ней, и ей нет дела до мира вокруг ее крошечной лужи. Если выбросить ее на берег, вот тогда она будет биться, хватать ртом воздух, но стоит положить ее опять в ту же воду буквально за два шага от того места, куда ее выбросили, и она, немного отдышавшись, будет спокойно жрать свою тину или что они там жрут. А мир вокруг останется, который может ее уничтожить и даже просто не почувствовать.

– А что ты смеешься-то? – обиженно продолжал Шага. – Откуда ты знаешь, что этого не будет. Или не происходит сейчас уже. Что ты смеешься? Зачем ему это надо было. Ты понимаешь? Или с чего началось? Нет, не знаешь.

– А он, кстати, может, и прав, Чий. А что?

– Да? Да ну?

– Ну, можешь, конечно, и ехидничать, – он говорил, сначала все в той же манере, шутя, вроде, несерьезно, но постепенно Чий стал понимать то, о чем он говорит, он вполне допускает, случись такое сейчас, Краюха бы не удивился, и даже намекает на то, что сам он – Чий о таком варианте развития событий думал. Мол, давай признавайся.

– ...Вот ты спишь, ешь, на Амбаре бражку пьешь и не замечаешь, как процесс идет, от себя не уйдешь. Ну, а, мало ли, ведь действительно, ты в него, все говорят.

Смотрел Краюха прямо на него, не отворачиваясь, с этим тоном своим заговорщицким и с улыбкой: «Колись, знаем мы про тебя все, мне-то тереть не надо». Чия вдруг взяла злость за то, что ему не верят, что он действительно никогда не задумывался о том, что ему грозит ни с того ни сего повторить судьбу отца, и больше того, боится этой угрозы.

– Чего ты несешь? – сказал он зло.

– А почему нет, у него ведь это тоже не всегда было, и не в один день началось так, чтобы раз – и пропал, оказалось потом, что ходил на Громовую гору. Так? Да погоди, он если там и бывал, то сколько до этого прошло? Г оды. Во сколько он из Деревни ушел впервые?

– Это значения не имеет. На тот момент? Да старше, чем я сейчас. Но зато он с детства выделяться как-то должен был.

– А ты не выделяешься?

– Да уж вроде как!

– Да ты себя уже ребенком не помнишь, просто у тебя же всегда и игры были такие, и интересы, ну, я не объясню. Ты внимания не обращал, что ли, никогда? – Чий поглядел на Шагу, тот не заметил, думал. Он тоже в это верит?

– Ну вот хотя бы это твое... – Краюха поморщился, пытаюсь вспомнить, – ерунда, как она... Как жизнь нашу переделать в Деревне. Сколько нам тогда было. Лет по десять. Понял?

– Чий не сразу сообразил, что Краюха пытается ему объяснить.

– А-а... Ну глупость это детская, кто такого не придумывал.

Это была фантазия: он как-то задумался, что общество, в котором они живут, если взглянуть на него со стороны, выглядит довольно нелепо, и попытался придумать, как можно было бы его улучшить. Он забавлялся с этой мыслью и подолгу мог лежать где-нибудь в тени и размышлять над деталями – как распределить еду или как стоит судить. И он всегда знал, что не относится к этому серьезно, так, игру себе выдумал.

– Я такого не придумывал! – Краюха ткнул себя большим пальцем в грудь, потом вытянул руку в сторону Шаги. – И он тоже, и Дерево, и Рыжий, и Тольнак, и Косолап – такого никто не

придумывал, незачем нам о таком думать, смысла в этом для меня нет, неинтересно мне это, а тебе интересно. И много такого, я просто вспомнить ничего конкретного не могу.

Чий посмотрел на Шагу, тот медленно шел, задумчиво сведя брови, смотрел в землю перед собой.

– А ты как думаешь, – спросил он, и Шага быстро поднял глаза.

Чий отвернулся. Он не поверил Краюхе, потому что не могло быть так и потому что слова его напугали. Он убедил себя ничему не верить, тут на улице, и подумать потом, спокойно взвесить, прикинуть все. Но, в любом случае, это не так, они ошибаются. **Они все?! Вся Деревня ошибается?** Он приказал себе не трогать этого сейчас. Осталось только робкое ощущение собственной неправоты.

Собираясь расходиться, они остановились у развилки, Шага жил на хуторе вдвоем с отцом, с противоположной от топи стороны Деревни. Они пожали руки, напоследок решили, что надо увидаться на днях, до того, как Краюха уйдет, обсудить что теперь делать с тканью, Краюха грозился встретиться со своим рыжим братом, не мог он так открыто дать от ворот поворот, наверное, просто какая-то заминка, что-то непредвиденное случилось.

– Ладно, давайте, – Шага толкнул Краюху в спину, протягивая руку.

– Сейчас погоди... – тот прислушался. – Идет кто-то, что ли?

Из-за изгиба дороги показались силуэты людей, послышался пьяный смех.

– Еле на ногах стоят... Рябой. А эти с ним? А что с ручья, Радат, еще кто-то. На амбаре сегодня их не было. Видать только что туда заходили. Где они наглотаться так успели?

– Их было четверо, они нарочито громко разговаривали, смеялись.

Чий никогда не знался хорошо ни с кем из Ручьевских, с Рябым особенно. Он был намного старше его, весь какой-то недоделанный: с родителями жил, не работал почти. С Рябым у них вообще особая история была, еще с детства началась, дрались постоянно, сколько Чий себя помнил, и всегда терпеть его не мог, было самое что ни на есть, и тупой, и мерзкий, и наглый. Правда, когда постарше Чий стал, у них конфликты детские прекратились. Изредка они пересекались на Амбаре, Чий старался его избегать, чтобы не воевать с их голозой. У них там, на ручье, почему-то все такие, наглые и безголовые, и держатся вместе, полгода назад деда безродного за ерунду какую-то запинали, и постоянно что-нибудь в подобном духе, не это, – другое значит, подобное что-то.

И по большей части избегать его получалось, кусались пару раз, но до серьезного не доходило. Шага с Краюхой одновременно изменились. Шага нахохлился как-то, ссутулился, видно было, как он пытается выглядеть безмятежно, даже чересчур, высунул руки из кармана, потом опять засунул, снова высунул, на лице проступило знакомое упрямое выражение. Краюха теребил горлышко бурдюка.

«Биться будем? – подумал он. – Или побоятся? Да нет, какое там побоятся, Рябой же, и пьяные, что им нас боятся, мы им не Изран. Вот перед ним он трясется, трясешься ведь, и выслужиться пытаешься, только он тобой брезгует».

Глядя на выражение лиц, подхлотивших, по телу у Чия прошел холодок, он почему-то ясно осознал, что сейчас ему придется бить и получать, что разойтись сегодня им не удастся. Улица была пустая и темная.

Трое против четверых, да и покрепче они, зато ноги кое-как переставляют.

– Здорово, пацаны, – Рябой небрежно дернул Чия за руку. – А ты чего не узнал, что ли. Он приблизил лицо к Шаге.

– Тот молча поздоровался, кто-то из Ручьевских засмеялся специально громко.

– Что собрались тут? – Рябой оскалился, и Чий в этой мерзкой его улыбке всегдашней, различил на обращенной к себе стороне, мерзкий обломанный клык, такой был только у него и ни у кого больше. Может, именно из-за этого он всегда вызывал у Чия почему-то ассоциацию с каким-то зверем.

– Да так вот, стоим, думаем, вы сейчас идти будете.

Действительно животное. Что с ним кокетничать, чего мы ждем? Он почувствовал, как напрягается внутренне, Шага все еще играл, слишком бодро улыбался и слишком весело. Вроде бы бесцельно, тем временем, полез зачем-то в карман.

Повода дожидаемся. А зачем он нужен вообще, повод, в заведомо глупой ситуации. Собрались семь человек на дороге, трое из которых просто пьяные в меру, а четверо совсем пьяные, и дерзкие. И те, и эти ждут. Повода ждут, он ведь тоже просто так не станет. Как будто решат что-то формальности эти. А если его с их стороны вообще не будет, то что? Отпустить их? После всего, что уже было? Глупо все-таки как получается. Из-за чего хлестаться станем, не из-за чего. Пьяные просто. Ладно, это они глупо, мы за честь свою, это они за бражку.

Радат подошел к Краюхе и шелкнул пальцем по пустому бурдюку:

– Пить будем?

Если ты угощаешь.

Да ну ты что, у нас откуда. Бедные мы... – он хотел еще что-то сказать, но его перебил Рябой.

– Чего!!! – грубо заорал он, оказавшись напротив Краюхи.

От него пахло перегаром, и Чий только теперь различил, насколько Рябой был пьян: взгляд выделил его неестественно вытаращенные глаза на лице, которое он почти вплотную приблизил к Краюхе:

– Тебе бражки жалко?! Ты че наглый такой! Да ты смотри, с кем говоришь!!! Сюда ее дай...

Он не закончил. Чий смотрел, как он кричит, как закрывает и открывает рот, как шевелятся огромные белки глаз, на обломанный кончик желтого клыка.

Они кинулись на Ручьевских почти одновременно. Чий наотмашь попал куда-то правым кулаком, почувствовав, что его схватили, ударил лбом в мелькнувшее в темноте лицо, все смешалось, перед глазами поплыло, и он ощутил, что лежит на земле, и вслед за этим жесткий тяжелый удар по голове. Промелькнула некстати нелепая мысль, что он может испачкаться, и что ударили его пинком.

– Лежать тварь, убью!!! – кричали рядом знакомым голосом.

«Шага, – понял он, – надо встать». Но у него ничего не получилось – кто-то прижал его своим телом сверху. Чий чувствовал горячее дыхание у своего уха. Одна рука его была под туловищем, и попытки опереться на нее возвращались назад болью.

Убью, сука, убь—ю—ю, тварь! Ле-ё-г!!! Тварь...

«Странно, – отметил беспристрастный голос в мозгу, – в драке ведь боли чувствоваться не должно?»

Рядом появился еще какой-то голос, незнакомый и басовитый. Чий почувствовал, что стало легко, на него теперь никто не наваливался. Он поднялся на ноги, сплюнул на землю кровавый сгусток. Кто-то убежал по улице, возился в кювете у дороги Краюха.

А рядом стояли запыхавшиеся Шага, сжимающий в окровавленном кулаке свинчатку, он немного покачивался, и за Чиевой спиной широкоплечий и кряжистый дед Кунар. Разглядывая его причудливо взлохмаченную бороду, понял, что у самого заплыл глаз, он вытер пыльным рукавом кровь с лица, облизал разбитые губы.

– Здорово тебе досталось, зубы целые?

– Чий еще раз сплюнул кровь, проверил.

– Вроде как, только шатаются спереди верхние.

Кунар заглянул в рот, посмотрел снаружи, руку посмотрел.

– Нормально, у тебя легкое все, только много, – он развернулся к Краюхе, который держался за лицо, – Пальцем?

– Ага.

– Тоже нормально будет, домой придешь, водички вскипяти, и как остынет, глаз промой прям. Ничего, аккуратно, руками не лезь.

– А ты как герой? – Кунар подошел к Шаге, который искал чистое место на своей изодранной рубаше, чтобы обтереть лицо. – Ну-ка, дай, гляну.

– Отстраняясь, тот вяло поднял ладонь.

– Да погоди ты.

Из-за спины старика хорошо рассмотреть Шагу Чию не удалось. Он также пошатывался, в темноте было заметно лишь то, что у него изменился контур лица. Настораживало дыхание, прерывистое, сквозь сжатые зубы. Даже и не само это, а какой-то тихий горловой звук, угадывающийся на общем фоне.

Чий прикинул, где он лежал и повернулся вправо, поглядев на дорогу, откуда в таком случае и доносились тогда крики Шаги. Судя по всему, совсем недавно тут было жутко. Теперь все становилось на свои места, можно было восстановить всю картину в целом. *Его ведь несколько раз сбивали на землю, это когда он замолкал.* Такие моменты были, просто сперва в пылу он их запомнить не успел – не обратил внимания. Это загадка – как ему вообще удалось выстоять. Он вспомнил натужное сопение рядом и топот по земле босых ног с хлопками по чему-то мягкому... Вот, оказывается, что это значило, об этом даже думать не хотелось. *Меня ведь, по сравнению с ним, просто держали.* Чий немного постоял так, глядя на пустую ночную улицу, потом подошел к деду со стороны спины.

– У-у... – Дед Кунар по-стариковски покряхтел. – Как ты на ногах только стоишь. Отлеживаться бы вам двоим надо. Домой доберетесь?

Они перевернулись. Шага кивнул. Старик поморщился:

– Да нет, куда вам таким. Тело понемногу отходило от пережитого шока, и это было, пожалуй, противней, чем сама драка. Опершись о плечо Кунара и шагая вперед, Чий чувствовал, как горит совсем уже не открывающийся правый глаз, теперь было по-настоящему больно, вывихнутую в локте руку, и все ныло, болело, горело.

– Ничего, мне по молодости и не так доставалось, переживешь. – Кунар шел немного спереди, и Чий видел затылок и часть спины, крепкой все еще, несмотря на возраст.

Они, пожалуй, неразумно поступили, когда решали, кто кого поведет до дома. Он подумал об этом только теперь. Дед Кунар должен был провожать не его, а Шагу, а пострадавший меньше всех из них Краюха, у которого почти один глаз только задет, его самого. Они ведь рядом почти живут, но об этом сразу надо было думать, а не сейчас, не догонять же их, поздно уже.

А Кунар, оказывается, до сих пор не выдохся, раскидал ведь, как щенков, без него все по-другому закончилось бы, спас. Если бы не он и не Шага, тоже молодец, Чий вспомнил, как он выглядел, когда они расходились, с опухшим безобразно, окровавленным лицом, и следы в пыли на дороге, когда его сбивали на землю и валяли там, топча ногами, а он вставал. Все равно бы без Кунара не справились, выходит совсем зря, в последнее время он думал, что спился старик окончательно. Получается что нет, как это ни удивительно, может еще, конечно, не тот уже все равно, но все-таки, не смотря на его попойки вечные. *Старик.* Он вдруг понял, что не знает, сколько ему лет. Чий поглядел на седой затылок и спохватился:

– Дед, спасибо тебе, выручил, без тебя бы...

– Да ладно, живите, из-за чего было-то?

– Не из-за чего. Из-за бражки.

– Не поделили что-то? Кто были?

– С ручья, Рябой, Радат – вот эти все.

– А не поделили что?

– Говорю же из-за бражки – не из-за чего, пьяные твари, наглые, да и вообще, не забивай голову. Спасибо тебе, дед, без тебя бы растоптали.

– У него и отец такой же придурок в молодости, и пацаном когда был, щенят мучил, помню, здоровый уже, лет четырнадцать, все, ну, нормальные, там возраст уже, человек меняется, уже девчонки начинаются, о будущем задумываешься, а этот... Помню, когда иду куда-то, где Соломихи дом сейчас стоит, там как раз хата погорела – они уже на том месте строились. Ну, и слышу визг, заглядываю туда, за стену, смотрю – он, два щенка там у него лежит, и он, рожа тогда у него прыщавая, в угрях вся, как сынок сейчас, такой же, увидел меня, смутился, щенков прятать давай, я тут, мол, играю. Думаю, ну, дурак ты, лоб здоровый, «играю он», рядом все нормальные подрастают, и этот перебродивший. Вот у них одна порода...

Чий покивал для приличия, хмыкнул, когда надо было. На самом деле понял он только общий смысл и слушал рассеянно, думал он сейчас не об этом.

В свое время Кунар считался лучшим охотником в Селе. А теперь он едва ли не окончательно спился. То, что сейчас у него оставалось от силы былой – просто крохи, ерунда, это был некогда человек феноменального здоровья, годовалого скота, телка, кулаком в лоб на задницу садил, и про него до сих пор легенды рассказывали. Он был почти совсем седым, но еще довольно крепким. Белая окладистая борода, голова с резким морщинистым лицом, на мощной шее. Им он приходился родичем, и Чий хорошо знал его с детства, помнил, как сидел у него на коленях, и всегда считал, что Кунар к нему хорошо относится. Даже лучше, чем к брату, которого он научил охотиться – брал его с собой в Степь после того, как не вернулся отец, он и отца охотиться учил, привив ему эту страсть к путешествиям. Но из отца-то охотника не вышло.

– Дед, слушай, во сколько лет мой отец... Даже не знаю как... Ты ведь его хорошо знал? Отца?

Ответа не было никакого, старик даже ни кивнул, глядел на него, не понимая.

– Ты ведь его хорошо знал, лучше всех, кроме матери, может, только. Во сколько лет он уходить стал?

– Во сколько что, во сколько ушел?

– Нет, когда ты заметил, что он об этом думать стал?

– Никогда.

– Как? Ну, ты-то должен был.

– Как бы я это заметил? Тебе зачем это вообще?

– Да просто...

– Они замолчали на какое-то время оба. Чий думал, не решаясь, потом спросил опять.

– Помнишь, мы как-то разговаривали и ты сказал, что вы с ним шли на марях, потом отпираться стал, но ведь шли же?

– Чий, ты про что узнать хочешь?

– Они почти остановились, Кунар, повернув голову, смотрел на него в упор, лицо его ничего не выражало.

– Он, говорят, похож на меня был? Не внешне... Даже сказать как, не знаю... Я такой же, нет, ну, в смысле характера, поведения, что ли? Я без тебя не пойму ничего, каждый по-разному говорит, хотя они-то его не понимали. Мать спрашивать о чем-то бесполезно.

Он все так же смотрел на Чия бесстрастно. Седой, старый, в заношенной рубахе с воротом, грязным до черни. И тот в конец смутился, не зная, что еще говорить, сказал:

– Ну, как мы с ним? – и повертел рукой у головы.

Он ведь не понимает просто, дурак ты, что ты ему объяснить пытаешься.

Чий вдруг почувствовал себя очень глупо. Он стоит ночью посреди дороги, со старым, уставшим от жизни пьяницей, которого таким трезвым как сейчас, уже не помнит, когда видел в последний раз, и пытается получить от него откровение на такую тему, узнать что-то. Он разозлился на себя и на него.

– Не были мы ни на каких марях... Не похож, – сказал Кунар совсем не добрым голосом, и они снова пошли.

– Ну, только вот так со мной не надо, ладно! Как с ребенком. Не были вы!? Что думаешь, я не понимаю ничего? Знаю я, и о Громовой горе знаю. Ну что, извиниться мне, что я оскорбил, видите ли, память о нем, о своем замечательном отце.

– Знаешь да? А что ты еще знаешь, что ты знать о нем можешь, самый плохой, да, лучше бы от скота ты бы родился?!

– Слушай, спасибо тебе за сегодня, спас, выручил, но у меня тоже гордость есть...

– Да у тебя, кроме нее, нет ничего. Я всю жизнь думал, что ты с головой вырастешь, сам разберешься. А ты дурак вырос, вырос и ничего не понял. Он полоумным был? А откуда ты это узнал – все говорят? А кто это все? Дурни наши деревенские, ты же сам только что сказал, что они не понимали его, так что ты ждал, что они хвалить его станут. Не сообразили они, ты хоть пойми кем он был, – он Человеком был. Здесь же твари все. Все. Он один Человек у нас был. Не объясню я этого, это видеть надо, я тоже тварь, как они все, – он описал рукой широкий полукруг, показывая на спящие избы, – такой же, все мы одинаковые, но я хоть понимаю это. Я же тебя чуть ли не как ребенка собственного растил и брата твоего. А ты никогда не задумывался, почему ты, а не он, у меня в любимцах ходил?

Чий растерялся, не зная, как реагировать, никогда дед Кунар раньше из-за отца глотку не драл, он даже не видел ни разу, чтобы спорил с кем-то, хотя Чий и знал, что не любит, когда обсуждают. Тем более, с ним, тем более так, между ними даже ссор не было никогда. Он не ожидал, что такое может когда-нибудь случиться. Орет... На него. *Так что же ты не вступился за отца ни разу, за Человека, что же ты молчал всю жизнь?! Почему ты на меня орешь, а не на них!?* Не поздно ты все это начал? Но сказал лишь:

– Не задумывался.

– Да потому, что мне всегда понятно было, что ты в него пошел, не лицом, не ростом, головой. Ясно? Я и приглядывать за тобой всегда старался поэтому. Драру это никогда не нужно было, он зверенком рос, один из нас...

Он в это действительно верил, не сейчас только придумал, верил, все это он решил для себя когда-то далеко-далеко назад, от этого момента, похоже, сейчас даже позабыл.

Чий давно уже не видел Кунара таким трезвым, бодро размышляющим, тот как будто помолодел за вечер, и у него мгновенно промелькнуло ощущение, что он понял, каким Кунар был в молодости. Чий увидел в нем того самого... легенду времен «первого охотника», которого не видел почти никогда, только, может быть, в самом детстве...

– А ты этих слушаешь, конечно, по идее, так и должно было быть, откуда бы у тебя другое мнение появиться могло, – старик говорил уже другим тоном, скорее назидательным, чем злым. – Раз тебе с детства все подряд одно и тоже говорили, Драр-герой говорит, вся Деревня говорит, значит, так и есть.

– Ему смысла врать нет.

– Конечно, нет. Он парень неплохой. Да нет, отличный парень, но ведь он такой же, как все мы тут, одной закваски, и не просто закваски, гордость, он их пример. «Смотрите, ребята, какими быть надо, когда повзрослеете, вот как дядя Драр». А раз пример, то не просто, как они, а всю суть их самую содержит. Все качества, из-за которых они... мы сами собой являемся. Прямой он, как палка обструганная, ему всегда ясно, что да как – вот это правильно, а вот это неправильно. А по-другому не бывает. Никогда не бывает. Он еще в детстве для себя решил, что так как папа, неправильно, а как именно папа, знать необязательно.

И Чий вспомнил Амбар этого вечера. Изо дня в день, одинаковые изо дня в день тупые шутки, свое нежелание идти сегодня. И смутное такое ощущение, что это неправильная жизнь. Может быть, дед Кунар и прав, если не во всем, то что-то он угадал определенно. Но Чий все еще был зол на него. Он не мог не ударить, не потребовать уважения. Но он уже давно

понял, как его задеть, и потому крутил, пока они шли все время, догадку в голове. *Спился... он спился, отец ушел, а он нет.* И, когда тот закончил говорить, он произнес заготовленное:

– Да? Но ведь вы умерли! Он тогда, сразу, а ты медленно, из-за бражки, но также, тебя больше нет, дело не в старости.

Кунар повернулся. Чий думал, что он заорет, когда поймет все, что он сказал, даст подзатыльника. Но он ничего не сказал, как-то странно жалко на него поглядел и отвернулся.

Они надолго замолчали. Кроме их шагов и собачьих голосов, никаких звуков вокруг не было, и, когда лай смолкал, Чий слышал рядом хриплое стариковское дыхание. Вся улица, насколько можно видеть, была абсолютно пустынная, впереди, в темноте над дорогой, вдруг мелькнули две низкие тени, какие-то степные зверьки, забравшиеся на ночь порыться в отходах. Совершенно бесшумно вынырнули из темноты и тут же в ней исчезли, как будто ничего и не было, больше вокруг ничего не происходило.

Он время от времени глядел в сторону старика, Кунар выглядел как и прежде, как будто Чия здесь не было, как будто он шел один, как пружина, весь сжавшийся, Чий уже корил себя за то, что не сдержался, он не знал, что реакция будет такая. Он представлял, как себя чувствует дед Кунар. Наверное, он ненавидит его сейчас, и неприятно держать на плече чужую горячую ладонь, щенка неумного, к которому, единственный, хорошо относился, с детства возился с ним, с которым, не отказывал ни в чем, а он пес неблагодарный. Под темнотой, скрывавшей его лицо, Чий почувствовал, что залился краской от стыда. За домом деда Кунара прошла чуть ли не половина его детства, не надо, наверное, с ним было играть в «кто кого заденет».

– Дед, извини, я не хотел... я не то...

– Прав ты, все так.

– Я из-за брата...

– Ты думаешь, я ругать его стал, обвинять, – сказал он, и Чий увидел, что никакой ненависти у него нет, а только боль, по глазам, наверное, понял. – Куда мне, сам такой же.

– Но почему мы об этом впервые говорим, почему я об этом никогда не слышал.

– Ты молодой был потому что. Я бы их не перекричал, их много, а я один, ты бы, Чий, не понял ничего. А теперь сам решаешь.

– Зачем он на Громовую ходил? – спросил он негромко после паузы.

– Не, вот это не ко мне, он о своих планах никому не рассказывал.

– Не может быть, чтобы вообще никому. Для чего нужна такая воля, чтоб ни с кем из близких не обмолвиться, что за тайны такие?

– Тайны? Знал он просто, что не пойдем мы его, может, обжегся пару раз, не помню. Нет здесь никакой тайны и воли тоже, это не воля, это, вроде, уважение к себе. Все, пришли.

Дорога здесь неповторимо изгибалась. Он видел это место бесчисленное количество раз и днем, и ночью, и под разными углами. Дом спал, как и повсюду вокруг, занавеска была опущена, и нигде не было заметно дыма. При их приближении темнота у стены массивно шевельнулась и, сверкнув двумя серыми глянцевыми каплями глаз и черным носом, зарычала. *Зверь.* Драр не держал своры, у него был только один Зверь, которого он никогда не привязывал.

– Давай, – дед Кунар хлопнул его по плечу. – Брату с матерью привет. Поправляйся.

– Дед...

– Ладно... – старик махнул рукой.

Это он его прогоняет. Разговор закончен. *Все-таки зацепил я его.* Чий какое-то время колебался, не рассказывать ли ему про двадцать лет и как амбарские решили идти на Громовую. Ведь повторения этого разговора больше никогда не будет, он знал это. «Ушатал ты себя, старик», – подумал он, потом кивнул.

– Удачи.

И пошел к дому. Не дойдя до двери, он остановился и оглянулся назад. Кунар удалялся, медленно, не спеша, ссутулившийся, и со спины сразу было видно, что по дороге идет старик.

Наверное, ему действительно недолго осталось, что-то в нем сломалось в последнее время, что-то раньше надломленное, а теперь развалившееся окончательно, в труху. Не могут такие люди умирать годы и годы, Чий не мог представить его в такой роли, как-то не получалось, таким же, как эти, выходящие на ступеньки погреть лысую голову в белесом пуху на тоненькой шее, шамкающие безумным ртом кашку, да и кто ему ее даст – кашку...

А ведь таким, как сегодня, он его ни разу не видел, хотя и знал всю свою жизнь, наверное, никогда больше и не увидит, он вдруг совершенно ясно понял, что это действительно так, и почему это так, не могло в будущем повторится такого разговора – один из собеседников по-настоящему взрослый, слишком взрослый, а другой совсем пьяница, не о чем им было говорить. Нет точек пересечения.

Он выглядел маленьким на таком расстоянии, тоже, наверное, думает сейчас о чем-то. О чем он сейчас думает?

И Чию почему-то стало очень его жалко. Некогда удачливого, которому все само собой давалось в руки, которому все когда-то завидовали, но не семьянина, это ему чуждо было по природе, и потому оставшемуся бездетным, когда умерла жена и сын маленький в мор, а он так и не женился больше. Одинокий дед, тот, кому когда-то завидовали все.

В доме было темно. Сразу запахло сеном, навозом и сухим деревом. Тлел в золе одинокий красно-оранжевый уголек. Он потрогал языком бесчувственные ужасно распухшие губы, и подумал, что представлял себе свое возвращение совершенно не так. Он вспомнил, что рисовал себе, когда только выходил, собираясь быстро решить с тканью и развеяться чуть-чуть на Амбаре. А, в итоге, все как всегда, также серо и уныло, может, это потому, что не умеет он быстро и слегка, и получается всегда одинаково. Скоро должно было светать.

В углу зашевелилась мать.

– Ты бы уже лучше завтра тогда вообще приходил, – слышался ее сонный голос, – додумался.

Она, что-то накинув на себя, возилась какое-то время у очага, раздувая лучину.

– Хорош, – рассматривала она его в свете огня.

Чий представил, как он сейчас, наверно, выглядит, ему даже показалось, что он чувствует ту волну перегара, которая от него, должно быть, исходит. Коснулся разбитой в кровь костяшки на кулаке.

– Вот тут что найдешь. Занавеску закрой, тише, брата разбудишь.

– Отдав ему лучину, она снова легла, укрывшись одеялом. Взяв в руки котелок с остатками мяса, свежина была уже холодная, тугая, он, скривившись, откусил от пахнувшей дымом полоски, попытался жевать.

– Больно?

Чий только сейчас заметил, что мать не спит, а, положив голову на плечо, разглядывает его из темноты. Он молча кивнул.

– Вон молока лучше возьми, в кувшине свежее, и лепешку туда помакай. Справа от тебя стоит. Горе... Где это тебя угораздило так?

– Да какая разница?

– А рубаху как испачкал? – она подняла лежащую у нее в ногах рубаху в жирных, мокрых от крови и пыли пятнах. – Чий, ну, смотри...

– Ага, я о рубахе там только задумываться и должен был, мне по лицу, а я о рубахе.

– Кто?

– Какая разница!?

– Вот всегда ты так, нет, чтобы нормально...

– Слушай, спи, а! Начала.

– Тише, брата разбудишь.

– Мне вообще уйти?! Тихо, не понимаешь, громко брата разбудишь.

Она обиженно отвернулась лицом к стене, до шеи накрывшись одеялом.

Чий облокотился спиной назад, подняв голову, и стал думать. Он вспомнил мысль, которая пришла ему на ум во время разговора с дедом Кунаром, которую он так и не успел оценить. Даже не мысль почти, а только ощущение, когда он вдруг подумал, что Кунар говорит о нем самом. Как будто действительно угадал. «О скуке в толпе», так наверное, в чужой толпе, и тогда он успел удивиться, как все точно. И что же там было? Похоже, что почти ничего, одни ассоциации и чувство догадки, близкой истины, только чувство. Не догадка, а именно ощущение. Скорее всего, сказать он хотел совсем не это. Просто во мне его слова как раз это и шевельнули. Это я их ждал еще там, пока пили. К тому же, что дед понять мог? Ему-то скука в толпе точно не грозила. Кунар не Борода какой-нибудь, сам признал, что такой же, как они, одна закваска. Какое там одиночество, он в ней первый был, это за ним шли, и он своей жизнью вполне доволен остался. У него другое – скука без толпы, вот это о нем.

Рядом раздавалось ровное сопение брата. Из темноты выглядывала только тыльная сторона его левой ладони на далеко откинутой руке. Сам он весь был где-то там, внутри, и даже контура его видно не было. Сплошная чернота.

«Отец!?» – задумался Чий и на несколько мгновений мысленно замолчал. Странный все-таки вышел Серый вечер. Начинался как обычно. А случиться, в итоге, успела куча чего. И подрался, и с Кунаром поговорил. О драке надо было обязательно подумать. Он вспомнил ухмыляющуюся рожу Рябого. *Тварь тупая*. Надо не оставлять же это так, думать об этом было противно и лень, с Рябым можно и завтра решить. Еще оставалась ткань, которая тоже никуда не исчезла, но ткань теперь, пожалуй, подождет пару дней, сейчас не это главное.

Он вдруг вспомнил о Краюхе, как они решили идти на Громовую. Весь спор в Амбаре, камень, он напрягся, перестал жевать. Вот это было серьезно. И тут ничего не сделаешь. Вспомнилось ощущение, когда он смотрел на ночную Степь. *Дурак... Все они дураки там*. Краюху было жалко.

Чий посмотрел на руку, которая держала лепешки. Он уже не ест, а просто сидит и ничего не делает. Надо было ложиться, подумать и лежать можно. Лепешек он съел, оказывается, почти половину и одну полоску мяса. Чий отложил, что осталось, допил молоко. Он облокотил котелок о кладку очага. Завернул полотенце с крошками и, задув лучину, скидывая штаны, пошел к тюфяку.

Лежать с головой под одеялом было холодно, но приятно. Он тут же почувствовал, как дрема начинает растворять сознание. *Странный все-таки вечер*. Чий выглянул наружу: через щель занавески в кристальном небе горели холодные звезды. Неожиданно они показались ему не маленькими, а большими, только очень далекими и древними. Почему-то защемило в груди и стало грустно.

Степь.

Роса высохла. Под довольно жарким уже солнцем стоял запах прелой травы. Припекало, и вокруг летали с металлическим звоном крыльев жуки-прыгунки. Лямка от мешка больно врезалась в кожу плеча, и чувствовалось, что к вспотевшему лбу прилипло, то ли прядь волос, то ли какая-то травинка, кожа в том месте жутко чесалась, но смахнуть это Чию было лень.

Спереди от него шел, раздетый до пояса, загорелый и жилистый Тольнак, солнце играло на медных бляхах его походной сумки. И ведь большая часть пути после привала для них сегодня еще впереди. Чий представил это: темп такой, без возможности нормально поговорить, пот, пыль, жару, он уже устал, а надо будет еще и еще. Наверное, слово лень здесь не подходит, слишком не емкое, страх перед мыслью о предстоящем и нежелание этого касаться, и лень. Это не предел, как кажется, того, на что способен человек, на самом деле, сегодня они пройдут столько же, потом еще столько же, и под конец дня лень, как обычно, пропадет. В первый день ее почти совсем не было, тогда все воспринималось в новинку. Говорят, это проходит, просто с непривычки, потом вработываешься.

– Проходит... – безнадежно сказал он вслух.

– Что? – к нему обернулся Ушастый.

– Я не тебе.

Он вспомнил, как они выходили в первый день, и улыбнулся, до сих пор стыдно вспоминать: так у них все нелепо получилось, как будто специально так старались. Одно дело – тихо и без огласки, другое – с прятаньями этими детскими, с какой-то суетой ненужной, особенно когда собрались ночью, и выяснилось, что ничего не готово, и началась у них беготня по Деревне. Не по годам такое уже. Он-то сам старался в стороне держаться, но все равно дело общее, значит, и его это коснулось. И как потом рассказывали историю с пришествием на Амбар за Ушастым его отца, «Сынок, мол, потерялся, никто не видел? Поймаю, уши оборву». Чия самого в тот момент не было, потом уже услышал, это была кульминация глупости, и эти балбесы: «Не, мол, не видели». Такой ерундой заниматься можно серьезным и взрослым, какими себя все и считают? И Ушастый теперь мечту свою воплотил, тоже серьезный и взрослый. Кстати, удивил вот он, по-настоящему. Вот, кого он не ожидал увидеть тут, так это его. Идет, старается тоже.

Тольнак остановился и, оглядевшись, сбросил сумку на землю.

– Все, отдыхаем, – он обернулся назад и скрестил руки над головой.

– Сегодня находимся еще.

Чий достал из лежащего мешка бурдюк с водой и повалился на землю, облокотившись о припасы спиной. Он подумал о том, что это, конечно, к лучшему, что Тольнак с ними пошел, его отец, говорят, неплохо знал юго-западные долины, они обычно там и охотились, но в-первых, охотник из него был ненамного лучше того же Шаги, тот тоже в Степь с отцом ходил, и Чий бы предпочел, чтобы с ними пошел кто-нибудь из по-настоящему матерых, хотя бы Холод или Окан, еще лучше Драр, ну, Воль, может. Впрочем, они-то этим заниматься бы как раз и не стали. Они же не «взрослые и серьезные», ночами из Деревни не бегают. Брат бы точно не стал. Ну и, во-вторых, болотная сторона – это не юго-запад, далеко не юго-запад, хотя Тольнак уверяет, что и про эти места много слышал и даже ходил с кем-то чуть ли не до самых марей.

Рядом опустил Краюха, поклажу он оставил сзади. Он лег на землю, закрыл глаза и, широко раскинув руки, утонул в бурой траве.

– Ну, как тебе? – вопрос был провокационный и подразумевал вопрос встречный.

Чий не стал говорить «что именно?», и через некоторое время Краюха уточнил.

– Жарит, сил нет. Сегодня, вроде, особенно. А ты?

Чий усмехнулся.

– Ну, примерно, как и ожидал. А у тебя по-другому, думал, холодно будет?

Краюха его проигнорировал.

– Я бы сейчас поспал лучше, попить дай.

– У тебя же своя есть.

– Да... мне на мешок даже смотреть неохота.

– Ты лучше раньше об этом думал бы, тогда бы никуда не пошел и спал сейчас дома.

– Я что жалуясь тебе, что ли, вот ты дотошным бываешь, а? У него воды спросишь, а он тебя дураком назовет.

Он протянул бурдюк. *Он бы дома спал, и все бы сейчас дома были, никто бы никуда не пошел, и я.* Он поймал себя на мысли, что не хочет этого, что если бы все по-настоящему накрылось, то он бы не обрадовался. Значит, действительно увлекся, сначала думал, что может, перегорит быстро, и станет жалеть. Из-за этого и колебался.

Взгляд Чия остановился на Изране, Вороте и Тольнаке. Тройка сидела на земле отдельно от остальных, разговаривали. «И третье», – вспомнил он еще одну причину, из-за которой предпочел бы на месте Тольнака видеть кого-нибудь другого: может, он и на самом деле парень нормальный, Чий его никогда по-настоящему не знал, редко доводилось пересекаться, сейчас вроде похоже на то, но, в любом случае, он был один из них. Мало ли что случиться может. Как бы то ни было, этого следовало ожидать, что в их человеческой стайке, все равно окажется, если и не большинство, то, во всяком случае, костяк и опора, основание, как тут и получилось. Даже если и не пошел бы Тольнак, был бы кто-нибудь другой, а может, им вообще повезло, что израновских только трое, может, это Тольнак оказался «другим», вместо двух запланированных заранее, но не пошедших, например так.

Какая разница – трое, четверо, пятеро, как Шага, уже думаю. Сам он не пошел и последние дни ходил из-за этого квелий. Пилил Чия, и видно, что что-то ему все же удалось, теперь уже он всех подозревает. Больше над этим никто не задумывается, он посмотрел на Рыжего-Старшего и Дерево, смеющихся над чем-то рядом со своими мешками. «А ты?» – «Туда, прям с размаху. А потом выхожу спокойно, они все стоят, на меня смотрят, я – «здравствуйте», и мимо них» – «Серьезно?» – «Ну». Дерево скорчился от смеха, накрыл голову ладонями: «А раньше что не рассказывал?» – «Да я говорил как-то»...

Вот тут он тоже ошибся, думал, что опротивеет им этот поход ещё в первые дни. На третье утро, как бы там ни было до этого, все уже точно должны были проснуться хмурыми, нерадостными, и если не скулить о возвращении, опасаясь Грозы Амбара, то энтузиазм должен был пропасть точно. Прогноз почему-то, не ясно почему, не оправдался. Пока им, похоже, даже нравится. И хуже всех, наверное, ему из-за предположений Шагиных, может, потому что все просто идут, а он опасается, хотя это у него желание должно было быть. Он-то изначально совсем не только ради Краюхи и подозрений этих пошел. У него другой интерес – Лес, Громовая и в том же духе. А потом каким-то образом Шаге удалось все-таки увлечь его тем, что Краюхе надо помочь, и свои мотивы забылись и отошли на второй план.

Смог ведь, удивился Чий, хотя ведь я и не поверил ему тогда и сейчас не верю. Чего ради ему помогать? Что ему грозит? Сторона, организующая поход, задумывала его исключительно с одной целью – показать, что она, как всегда права, и пристыдить Краюху, может, по лицу ему надавать. И это, скорее всего, у них и так получится. Да и страшного он тут ничего не видел.

Он пересилил нежелание двигаться и поднялся. Вокруг них до самого горизонта была Степь, чистая и почти ровная, без каких-нибудь препятствий и изъянов. Только на западе в отдалении, у пары одиноких, низких сероватых облачков, где-то там различались сопки. Ветра не было, так что трава не колебалась, и жарко. Но Степь не выглядела пустой и мертвой. В частокле травы стрекотало – не только жуки-прыгунки, но и куча живого, помимо них. Там что-то ползало наверное, ело, и временами создавалось впечатление, что стрекочет и шевелится сама трава.

Он подошел к тройке. Ворот, развалившись, сидел на траве, положив сумку с копьями с левой стороны от себя, и теребил в руках древко одного. То, что он нес дроты, было добровольным решением каждого. Он метал лучше всех из них, а нести собственное копьё плюс мешок с поклажей очень неудобно. Но сейчас Чий почему-то подумал, что это выглядит как символ власти. Оружие, которое всегда у него.

– Вы есть когда думаете?

– Да пора бы уже, наверное, – Изран оглянулся на Тольнака. – Да?

Тольнак согласился. Он слез с мешка Ушастого, в котором было общее. Лепешки обычно находились в котелке, который закрывали сверху тряпкой, обвязывая веревкой по ободу. Котел, который сейчас вытащил Изран, был пустой, если не считать той самой тряпки, она, скомканная, лежала внутри. Тряпку подняли вверх, и на траву полетели какие-то крошки и выпал обглоданный кусок целой лепешки. Он цокнул языком:

– Ну и чего? Надо жарить? Мяса тоже нет, одно сушеное только.

Он подумал немного и полез в мешок, там что-то загремело, они вывернули мешок на землю. Свертки валялись кучей, в самом большом, по всей вероятности, должна была храниться мука, в другом лежали сухари, третий не развязывался, там чувствовалось что-то длинное и твердое. Мусора много. Нож был острый. Чий поднял с земли оселок – маленький желто-серый камешек, чтоб не потерялся, бросил его обратно в мешок и положил к сухарям кусок выпавшей лепешки. Изран с Тольнаком сидели на корточках, возились в куче. Чий представил, что сейчас будет нужно работать, жечь костер, потеть в такой-то жаре. Он сокрушенно сел на землю.

– Вот счастье-то какое, может, вечером хоть!?

– Думаешь, холоднее будет? Не, сегодня день не такой, – Изран показал подбородком на Степь. – Вечером хуже только станет.

Тольнак поднялся и пошел в сторону:

– Я за дровами.

Отдых накрылся. Сейчас мы будем работать, сидеть в этом пекле, потом до ночи до оцепенения идти, а потом спать.

Он машинально посмотрел на лица Дерева и братьев Рыжих, вдвоем несущих рядом вязанку хвороста. *Действительно им нравится! Четвертый день идем, а они, как на прогулке... Счастливые. Дети.* Хотя он чувствовал, что не может ошибаться полностью, даже если пока все так. Четвертый день, да, правильно, веселые. Но это не может вечно длиться. Они бесцельно идут, включая Краюху. И если действительно куда-то дойдут подальше, начнется бардак. Точно так, веселые, надо, чтобы только что-нибудь изменилось, и все станет по-другому. Захотят очутиться дома, в постели под одеялом. Наверное...

Чий сначала лениво, одной рукой помогал раскладывать костер, потом решил, что работы не избежать, и, включившись в общую суету, стал замешивать тесто в котле, сполоснув его сначала водой из бурдюка. Закончив, он выпрямился, обтирая пучком травы руки, разглядывал возящихся у будущего костра.

Сидели мы тогда вечером, – стал вспоминать он. – Сначала с Краюхой потом Краюха ушел, при нем, вроде, и не говорили ни о чем таком, все, как обычно, было, а когда ушел... Начал я? Или Шага? И не сразу начали. Сначала говорили о том же, о чем и до этого, вроде.

Качественные воспоминания начались с определенного момента. Они сидят у Шаги на сене под навесом, вечер, еще не темно, ручей видно.

«– Ты же сам против был, и тогда я тебя понимал, – сказал он.

Хорошо, ясно. Ты сам в таком случае из-за чего идешь?

Шага, – он покачал головой, – я тебе говорил уже из-за чего, из-за своего, так бы один он шел, делал бы с ними что хочет, получал бы, или решал там, что он собирался...»

Странно. Вечер, да? Когда он был? Я не могу ни одного вечера вспомнить, который бы мы не на Амбаре провели в последнее время.

«Ты же сам это сказал первый? – спросил он Чия.

Я несерьезно, наверное, не помню».

Тогда Шага сказал, что пойдет он тоже. Он действительно готовился после этого разговора, вот что самое удивительное, чего Чий так и не понял, зачем ему, практичному всегда, это надо. Вечно рассудительный, даже гордящийся этим, и тут, как маленький.

У будущего костра ползали на корточках. Ставили котел. Печь им сегодня надо было в первый раз, и он не верил, что получится что-то нормальное, особенно с этой нездоровой суетой.

– Дети, – почти про себя сказал он.

За спиной послышалась усмешка, там стоял понимающе ухмыляющийся Изран.

– Пользы нет, зато есть щенячий восторг. У меня была мысль не брать их собой вообще. Вместо них только пару человек, таких, посерьезнее кто.

Это кого же, Тольнака с Воротом и меня с Краюхой. Я, пожалуй, лучше этих потерплю, чем так.

Чий вежливо улыбнулся, кивнув головой.

– А ты почему с ним пошел? – спросил Изран. – Мы ведь так, баловства ради. А у тебя, если желание есть, с братом бы пошел, делом бы занялся.

Он стоял рядом с Чием, опираясь на кривую корягу-хворостину, как на трость, по обтянутому материей мощному плечу полз жук. И Чию опять почудилось, что в этом простом, вроде, вопросе присутствует какой-то злой замысел. Вернулось то чувство угрозы, и вспомнился Шага, отговаривающий. И потом, когда прощались, как пес побитый.

– Да так, с Краюхой вместе решил. Тоже, наверное, как и они, – он смотрел на Израна и думал: «Это ты-то баловства ради пошел, я же тебя знаю насквозь, ты и не подозреваешь, как».

Он вспомнил, с каким видом Изран сидел в Амбаре после их с Краюхой спора – он навязал этот поход, хотя сам хотел в нем участвовать, вероятно, меньше всех. ***Просто ты так привык, может, сам и не осознаешь этого. С детства еще понял, что лидер этот подчас тот, кто может там, где не могут остальные. Боятся, стесняются, ленятся, не верят. Лидер – это, конечно, не только это, но именно это ты всегда особенно показать хотел. Это за годы в привычку вошло – показывать делом, что ты достойнее. Только это уже глупостью было в той ситуации.***

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.